

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Элизабет
Гаскелл

ЖИЗНЬ
ШАРЛОТТЫ
БРОНТЕ

«АЗБУКА»

Иностранная литература. Большие книги

Элизабет Гаскелл

Жизнь Шарлотты Бронте

«Азбука»

1857

УДК 929
ББК 83.3(4Вел)-8

Гаскелл Э.

Жизнь Шарлотты Бронте / Э. Гаскелл — «Азбука»,
1857 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-10104-3

Эта книга посвящена одной из самых знаменитых английских писательниц XIX века, чей роман «Джейн Эйр» пользуется огромным успехом во всем мире. Однако немногим известно, насколько трагично сложилась судьба самой Шарлотты Бронте. Она мужественно и с достоинством переносила все невзгоды и испытания, выпадавшие на ее долю. Пережив родных сестер и брата, Шарлотта Бронте довольно поздно вышла замуж, но умерла меньше чем через год после свадьбы – ей было 38 лет. Об этом и о многом другом (о жизни семьи Бронте, творчестве сестер Эмили и Энн, литературном дебюте и славе, о встречах с писателями и т. д.) рассказала другая известная английская писательница – Элизабет Гаскелл. Ее знакомство с Шарлоттой Бронте состоялось в 1850 году, и в течение почти пяти лет их связывала личная и творческая дружба. Книга «Жизнь Шарлотты Бронте» – ценнейший биографический источник, основанный на богатом документальном материале: Э. Гаскелл включила в текст сотни писем Ш. Бронте и ее корреспондентов (подруг, родных, литераторов, издателей). Книга снабжена вклейкой с иллюстрациями.

УДК 929
ББК 83.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-389-10104-3

© Гаскелл Э., 1857

© Азбука, 1857

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	24
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Элизабет Гаскелл

Жизнь Шарлотты Бронте

Elizabeth Gaskell
LIFE OF CHARLOTTE BRONTE

© А. Д. Степанов, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Часть первая

Глава 1

Железнодорожная ветка из Лидса в Бредфорд проходит в долине Эра – сонной и вялой реки, особенно если сравнить ее с рекой Уорф. На этой ветке есть станция Китли, расположенная примерно в четверти мили от городка с таким же названием. Число жителей, равно как и значение этого городка, сильно выросло за последние двадцать лет благодаря увеличивающемуся спросу на шерстяную материю – именно ее производством по преимуществу и занято фабричное население той части Йоркшира, главным городом которой и является Бредфорд.

Можно сказать, что Китли сейчас пребывает в переходном состоянии: еще до недавних пор большая старинная деревня обещает теперь превратиться в многолюдный и процветающий город. Приезжий замечает, что стоящие на широких улицах домики с двускатными крышами, выдающимися вперед, уже пустуют. Они обречены на снос и скоро уступят место современным зданиям, тем самым открыв возможность для проезда экипажей. Старомодные узкие витрины, какие было принято устраивать пятьдесят лет назад, сменяются широкими оконными рамами и зеркальными стеклами. Почти все дома служат тем или иным коммерческим целям. Быстро проходя по улицам города, вы вряд ли догадаетесь, где живет нужный вам адвокат или врач: в отличие от старых городов с их кафедральными соборами, здесь слишком мало домов, внешний вид которых достоин людей этих профессий, представителей среднего класса. Трудно отыскать большее несходство во всем – в жизни общества, в образе мыслей, в отношении к вопросам морали, в поведении и даже в политике и религии, – чем различие между новыми промышленными центрами на севере, такими как Китли, и исполненными собственного достоинства, неспешными, живописными городами юга. Будущее сулит Китли очень многое, но только не по части живописности. Здесь царит серый камень. Ряды выстроенных из него домов сохраняют в своих единообразных устойчивых очертаниях прочность и величие. Дверные каркасы и перемычки окон, даже в самых маленьких домиках, изготовлены из каменных блоков. Нигде не видно крашеного дерева, которое требует постоянного обновления и в противном случае скоро начинает казаться запущенным. Почтенные йоркширские домохозяйки тщательно следят за чистотой камня. Если прохожий посмотрит через окно внутрь дома, то увидит изобилие домашней утвари и повсеместные следы женского прилежания и заботы. Вот только голоса людей в здешних местах грубы и немелодичны. От здешних жителей не ждешь музыкальных талантов, хотя именно ими и славится здешний край, давший музыкальному миру Джона Карродуса¹. Фамилии их (вроде только что произнесенной), которые можно увидеть на вывесках магазинов, кажутся странными даже приезжим из соседних графств и несут в себе явные признаки местного колорита.

От Китли идет дорога на Хауорт – череда домов вдоль нее почти не прерывается, хотя, по мере того как путник поднимается на серые приземистые холмы, уходящие в западном направлении, расстояния между жилищами увеличиваются. Сначала вы увидите несколько вилл, расположенных так далеко от дороги, что становится ясно: вряд ли они принадлежат тем, кого могут спешно вызвать в город, оторвав от удобного кресла у камина, с просьбой облегчить страдания или помочь в тяжелой ситуации. Адвокаты, врачи и священники обычно селятся ближе к центру города, а не в таких строениях на окраине, скрытых зарослями кустарника от любопытных глаз.

---

¹ Карродус Джон (1836–1895) – знаменитый английский скрипач-вундеркинд, уроженец Китли.

В городе вы не увидите ярких красок: их можно встретить только на витринах, где разложены товары на продажу, но не в природе – в цвете листвы или неба. Однако за городом невольно ожидаешь больше блеска и живости, и от этого проистекает чувство разочарования, охватывающее вас при виде множества оттенков серого, которые окрашивают все, что встречается вам на пути от Китли к Хаурту. Расстояние между ними – около четырех миль, и, как я уже сказала, все оно заполнено вилами, большими трикотажными фабриками, домами рабочих, а также изредка попадающимися старомодными фермами с многочисленными пристройками. Такой пейзаж едва ли можно назвать «сельской местностью». На протяжении двух миль дорога идет по более-менее равнинной местности, оставляя слева холмы, а справа – луга, по которым протекает речка, вращающая колеса построенных по ее берегам фабрик. Все застилает дым, поднимающийся из труб домов и фабрик. Растительность в долине (или в «яме», как ее тут называют) довольно богатая, но по мере того, как дорога поднимается вверх, влаги становится все меньше, и растения уже не произрастают, а влачат жалкое существование, и дома окружают не деревья, а только заросли кустарника. Живые изгороди сменяются каменными оградами, а на клочках пахотной земли растет бледный серо-зеленый овес.

И вот перед глазами путника, поднимающегося по этой дороге, неожиданно вырастает деревенька Хаурт. Ее видно за две мили: она расположена на склоне крутого холма, под которым простираются тускло-коричневые и пурпурные вересковые поля. Холм же поднимается дальше, за церковь, построенную в самой высокой точке длинной и узкой улицы. Вплоть до самого горизонта видны волнистые линии все таких же холмов; пространства между ними открывают вид только на другие холмы того же цвета и формы, увенчанные все теми же дикими и блеклыми вересковыми пустошами. В зависимости от настроения смотрящего эти пустоши могут произвести различное впечатление: могут показаться величественными тому, кто почувствует разлитое в них одиночество, или же хмурыми, суровыми – тому, кто увидит только их монотонность и безграничность.

Дорога ненадолго отклоняется от Хаурта, огибая подножие холма, а затем пересекает мост через речку и начинает подниматься в деревню. Плиты, которыми замощена улица, уложены так, чтобы дать лучшую опору для лошадиных копыт, но, несмотря на это, лошади подвергаются постоянной опасности сорваться вниз. Старые каменные дома кажутся больше по высоте, чем ширина улицы. Перед тем как выйти на ровную площадку, мостовая делает столь резкий поворот, что ее крутизна становится больше похожа на отвесную стену. Одолев этот подъем, вы оказываетесь у церкви, расположенной несколько в стороне от дороги – ярдах в ста или около того. Здесь кучер может расслабиться, а лошади – вздохнуть свободно: экипаж въезжает в тихую боковую улочку, которая и ведет к дому священника – в хауртский пасторат. По одну сторону этого проулка находится кладбище, а по другую – школа и дом церковного сторожа, где прежде жили младшие священники.

Пасторат стоит боком к дороге, и из его окон открывается вид вниз, на церковь. Получается, что этот дом, церковь и школьное здание с башенкой образуют три стороны неровного прямоугольника, четвертая сторона которого остается открытой и выходит на вересковые пустоши. Внутри прямоугольника помещается заполненное надгробными памятниками кладбище, а также маленький садик, или дворик, у дома священника. Войти внутрь можно через вход, расположенный посередине дома, а от него тропинка заворачивает за угол и пересекает небольшую поляну. Под окнами – узкая клумба, за которой много лет ухаживают, хотя и без особого успеха: на ней все равно вырастают только самые неприхотливые растения. Кладбище окружает каменная ограда, вдоль нее растут бузина и сирень; оставшееся пространство занимают квадратный газон и посыпанная гравием дорожка. Двухэтажный дом построен из серого камня, крыша покрыта плитами, чтобы противостоять ветрам, способным сорвать более легкое покрытие. Возведен он, по-видимому, лет сто назад. На каждом этаже имеется по четыре комнаты. Если посетитель подходит к дому со стороны церкви, то справа он видит два окна

кабинета мистера Бронте, а слева – два окна гостиной. Все в этом доме говорит о прекрасном вкусе и исключительной опрятности его обитателей. На ступенях – ни пятнышка, стекла в старомодных рамах блестят, как зеркала. И внутри и снаружи опрятность достигает, так сказать, абсолюта – полнейшей чистоты.

Как я уже сказала, церковь располагается выше большинства деревенских домов. Еще выше находится кладбище, где теснятся высокие прямые памятники. Часовня или церковь считается старейшей постройкой в этой части королевства, хотя по внешнему виду сохранившегося здания этого не скажешь. Исключение составляют два восточных окна, которых не коснулись перестройки, а также нижняя часть колокольни. Внутри по виду колонн можно заключить, что их возвели до воцарения Генриха VII². Вероятно, в стародавние времена на этом месте стояла «филд-кирк», или часовня, а записи в книгах Йоркского архиепископства свидетельствуют о том, что в 1317 году в Хаурте уже была часовня. Тем, кто интересуется датой основания, местные жители показывают следующую запись на одном из камней в церковной башне:

Hic fecit Cænobium Monachorum Auteste fundator. A. D. Sexcentissimo³.

Другими словами, надпись утверждает, что церковь построена еще до принятия христианства в Нортумбрии⁴. Уитейкер утверждает, что причина появления этой ошибки заключается в том, что некий малограмотный камнерез неправильно скопировал надпись, сделанную во времена Генриха VIII⁵ на соседнем камне: «Orate pro bono statu Eutest Tod»⁶.

В наше время любой антиквар знает, что молитвенная формула «bono statu» всегда относится к здравствующему. Я подозреваю, что это единственное христианское имя было ошибочно принято камнерезом за «Austet» вместо «Eustatius», а слово «Tod» было неправильно прочитано как арабская цифра «600», хотя это слово вырезано весьма четко и прекрасно читается. На основании этой нелепой претензии на древность местные жители развернули борьбу за свою независимость и потребовали, чтобы бредфордский викарий сам назначал священника в Хаурт.

Я привожу этот фрагмент, чтобы стало понятно то ошибочное основание, которое породило смятение, происшедшее в Хаурте примерно тридцать пять лет назад, о чем я при случае расскажу подробнее.

Внутри убранство церкви самое обыкновенное: оно не слишком старо и не слишком ново, чтобы заслуживать отдельного описания. Скамьи для важных лиц сделаны из черного дуба и отгорожены друг от друга высокими перегородками, на дверцах которых белыми буквами написаны имена владельцев. Нигде не видно ни медных памятных досок, ни роскошных гробниц в виде алтарей, ни памятников, только справа от деревянного стола, заменяющего в реформаторской церкви алтарь, вделана в стену доска со следующей надписью:

Здесь покоятся останки Марии Бронте, жены преподобного П. Бронте,
бакалавра, священника в Хаурте.

Ее душа вознеслась к Спасителю 15 сент. 1821 года на 39-м году жизни.

² Генрих VII (1457–1509) – король Англии с 1485 г.

³ «Здесь основатель Аутест создал монашескую обитель. Год от Рождества Христова шестисотый» (лат.). Надпись свидетельствует, что монашеская община была основана в Хаурте в 600 г. Если бы это было верно, то она предшествовала бы появлению христианства в этой местности, которое обычно относят к 627 г., когда римский миссионер Паулин, позднее архиепископ Йоркский, обратил в христианство англосаксонского короля Эдвина Нортумбрийского.

⁴ Нортумбрия – одно из наиболее крупных англосаксонских королевств; существовало в VII–VIII вв. и занимало территорию от Хамбера до границ Шотландии.

⁵ Генрих VIII (1491–1547) – король Англии с 1509 г.

⁶ «Молитесь за доброе здравие Эутеста Тода» (лат.).

«Потому и вы будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф. 24: 44).

А также покоятся здесь останки Марии Бронте, дочери вышеупомянутой, умершей 6 мая 1825 года на 12-м году жизни, а также Элизабет Бронте, ее сестры, умершей 15 июня 1825 года на 11-м году жизни.

«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3).

Также покоятся здесь останки Патрика Брэнвелла Бронте, умершего 24 сент. 1848 года в возрасте 30 лет.

А также Эмили Джейн Бронте, умершей 19 декабря 1848 года в возрасте 29 лет, сына и дочери преподобного П. Бронте, приходского священника.

Этот камень посвящен также памяти Энн Бронте, младшей дочери преподобного П. Бронте, бакалавра, умершей в возрасте 27 лет 28 мая 1849 года⁷ и похороненной в старой церкви в Скарборо.

В верхней части этой доски строчки разделяют большие интервалы: когда делались первые записи, поглощенные горем домочадцы не думали о том, что надо оставить место и для имен тех, кто еще был жив. Но по мере того как члены семьи уходили один за другим, строчки теснились, а буквы мельчали и сжимались. После записи о смерти Энн места уже ни для кого не осталось.

Однако еще одной из того же поколения – последней из шести рано лишившихся матери детей – предстояло последовать за всеми, чтобы покинуть на земле в полном одиночестве своего отца. На другой доске, расположенной ниже первой, к скорбному списку была добавлена следующая запись:

Рядом с ними покоятся останки Шарлотты, супруги преподобного Артура Белла Николлса, бакалавра, и дочери преподобного П. Бронте, бакалавра, приходского священника.

Она умерла 31 марта 1855 года на 39-м году жизни.⁸

---

⁷ Рецензент заметил несоответствие между указанным на доске возрастом Энн Бронте в год ее смерти (двадцать семь лет в 1849 году) и тем, что она родилась в Торнтоне, откуда мистер Бронте уехал 25 февраля 1820 года. Я знала об этом несоответствии, но оно не казалось мне столь существенным, чтобы устранять его, обращаясь к книгам, в которых регистрируются рождения. По словам мистера Бронте, на которых я основываю свое суждение о месте рождения Энн, «в Торнтоне родились: Шарлотта, Патрик Брэнвелл, Эмили Джейн и Энн». Жители Хаурта, к которым я обращалась с этим вопросом, утверждали, что все дети мистера и миссис Бронте родились до переезда семейства в Хаурт. По-видимому, ошибка заключена в надписи на доске. – *Здесь и далее постраничные примечания принадлежат автору.*

⁸ В апреле 1858 года в алтарном ограждении хауртской церкви была закреплена памятная доска, посвященная умершим членам семьи Бронте. Она изготовлена из белого каррарского мрамора на основе из серого мрамора, с карнизом над украшенным орнаментом основанием скромного и простого рисунка. Между креплениями, на которых держится доска, вписана священная монограмма I. H. S. [Iesus Homini Salvator – Иисус, Спаситель человечества (*лат.*)] староанглийским шрифтом. Эта доска, исправляющая ошибку предыдущей в определении возраста Энн Бронте, несет следующую надпись римским шрифтом (хотя инициалы выполнены староанглийским): «В память о Марии, жене преп. П. Бронте, бакалавра, священника в Хаурте, умершей 15 сентября 1821 года в возрасте 39 лет, а также о Марии, их дочери, умершей 6 мая 1825 года в возрасте 12 лет, а также о Элизабет, их дочери, умершей 15 июня 1825 года в возрасте 11 лет, а также о Патрике Брэнвелле, их сыне, умершем 24 сентября 1848 года в возрасте 30 лет, а также об Эмили Джейн, их дочери, умершей 19 декабря 1848 года в возрасте 30 лет, а также об Энн, их дочери, умершей 28 мая 1849 года в возрасте 29 лет и похороненной у старой церкви в Скарборо, а также о Шарлотте, их дочери, супруге преп. А. Б. Николлса, бакалавра, умершей 31 марта 1855 года в возрасте 39 лет. „Жало же смерти – грех; а сила греха – закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!“ (1 Кор. 15: 56–57)».

Глава 2

Для лучшего понимания истории жизни моей дорогой подруги Шарлотты Бронте читателю следует познакомиться с весьма своеобразным характером людей, среди которых прошли ее ранние годы и от которых и она, и ее сестры получили первые жизненные впечатления. Поэтому, прежде чем продолжить свой труд биографа, я представлю читателю общую характеристику населения Хауорта и близлежащей местности.

Даже жители соседнего графства Ланкастер удивляются необыкновенной силе духа, которую выказывают йоркширцы и которая придает им весьма примечательные черты. Волевые качества сочетаются у них с редкой самодостаточностью, придающей им вид столь независимый, что он способен даже отпугнуть приезжего. Слово «самодостаточность» я использую в расширительном смысле. Йоркширцы из области Уэст-Райдинг⁹, кажется, с рождения отмечены такой смышленостью, упрямством и силой воли, что каждый из здешних уроженцев полагается только на самого себя и никогда не надеется на помощь соседа. Те редкие случаи, когда кто-либо просил о такой помощи, порождали сомнение в ее целесообразности: достигнув успеха, человек становился зависим от других и вынужден был переоценить свои собственные силы и энергию. Местные жители принадлежат к тем сообразительным, но недалеким людям, которые с подозрением относятся ко всякому, чья честность не являет собой доказательство мудрости. Практические качества человека ценятся здесь очень высоко, но чужаков встречают подозрительно и ко всякой новизне относятся с недоверием, которое распространяется даже и на добродетели. Если добрые качества не дают немедленного практического результата, то их отвергают как негодные для этого мира, в котором нельзя ничего достичь без усилий и борьбы, особенно если это качества, относящиеся к размышлению, а не к действию. Страсти в душе йоркширца сильны, и причины этого залегают очень глубоко. Однако эти страсти редко выплескиваются наружу. Грубых и диковатых местных жителей едва ли можно назвать любезными в обращении. Разговаривают они отрывисто, а их манера речи и выговор непривычному человеку, скорее всего, покажутся грубыми. Таковы черты их характера. Одни из них, по-видимому, обязаны своим появлением традициям вольности, присущей горцам, а также уединенности их края, другие могут быть обусловлены их происхождением в древности от грубых скандинавов. Однако в то же время йоркширцы весьма восприимчивы и обладают чувством юмора. Всякий, кто решится поселиться среди них, должен быть готов к тому, что услышит про себя совсем не лестные, хотя и правдивые, замечания, высказанные, как правило, уместно и ко времени. Пробудить чувства у них непросто, но, если удастся, эти чувства сохранятся надолго. Отсюда происходят такие качества, как крепость дружбы и верность своему господину. Чтобы узнать, в каких формах обычно проявляется последнее, достаточно перечитать те страницы «Грозового перевала», где говорится о герое по имени Джозеф.

По тем же причинам в местных жителях развита и ворчливость, которая подчас перерастает в мизантропию, передающуюся от поколения к поколению. Я помню, как однажды мисс Бронте привела мне поговорку жителей Хауорта: «Храни камень в кармане семь лет, потом переверни его и храни еще семь – пусть он будет у тебя всегда под рукой на случай, если твой враг подойдет поближе».

Когда же дело касается денег, жители Уэст-Райдинга превращаются в настоящих гончих. Мисс Бронте описала моему мужу забавный случай, наглядно показывающий эту тягу к богатству. Некий ее знакомый, мелкий фабрикант, занимался торговыми операциями, которые неизменно заканчивались удачно, в результате чего он составил себе некоторое состояние. Этот человек уже давно прошел середину жизненного пути, когда ему взбрело в голову застра-

⁹ Графство Йоркшир делится на северную, западную и восточную трети («райдинги»). *Уэст-Райдинг* – западная область.

ховаться. Не успел наш герой получить страховой полис, как вдруг заболел, причем настолько серьезно, что не возникало сомнений: через несколько дней наступит фатальный исход. Доктор не без колебаний открыл больному, что его положение безнадежно. «Ага! – вскричал фабрикант, мигом обретая прежнюю энергию. – Значит, я *сделаю* этих страховщиков. О, я всегда был счастливчиком!»

Здесьшний народ сообразителен и схватывает все на лету, набожен и настойчив в преследовании добрых целей, хотя способен и заблуждаться. Местные жители не слишком эмоциональны, у них нелегко вызвать дружеские или враждебные чувства, но если они кого-то полюбят или возненавидят, то заставить их изменить свое отношение бывает почти невозможно. Это сильные в физическом и душевном отношении люди, одинаково способные и к добрым, и к злым поступкам.

Шерстяные мануфактуры появились в этой области еще при Эдуарде III¹⁰. Принято считать, что в те времена сюда прибыла целая колония фламандцев, осевших в Уэст-Райдинге и обучивших местных жителей тому, как можно использовать шерсть. Та смесь сельскохозяйственного и фабричного труда, которая заняла после этого господствующее положение в Уэст-Райдинге и доминировала вплоть до самого последнего времени, выглядит очень привлекательно лишь с большой временной дистанции, оставляющей впечатление чего-то классического, пасторального, когда детали либо забылись, либо погребены в трудах ученых, исследующих те немногие отдаленные уголки Англии, где еще сохраняются старинные обычаи. Картина, представляющая хозяйку дома и ее служанок, наматывающих шерсть на большие барабаны, в то время как хозяин пашет в поле или пасет свои стада на пурпурных вересковых пустошах, весьма поэтична и вызывает ностальгию. Но там, где подобные картины сохраняются в наши дни, мы слышим из уст живущих такой жизнью людей множество рассказов о деревенской грубости в сочетании с купеческой прижимистостью, о беспорядочности и беззакониях – рассказов, мало что оставляющих от образов пастушеской простоты и невинности. Было бы большим преувеличением считать, что для той эпохи, память о которой все еще жива в Йоркшире, не подходили преобладавшие тогда формы общественного устройства, хотя мы и понимаем сейчас, что они постоянно приводили к злоупотреблениям. Неуклонный прогресс заставил их навеки уйти в прошлое, и стараться воскресить их сейчас было бы так же нелепо, как взрослому человеку пытаться натянуть на себя собственную детскую одежду.

Патент, полученный олдерменом Кокейном и последовавшие за тем ограничения, наложенные Яковом I¹¹ на экспорт неокрашенного шерстяного сукна, на которое Голландские штаты ответили запретом импорта сукна, окрашенного в Англии¹², нанес сильный удар по уэст-райдингским фабрикантам. Любовь к независимости и неприязнь к власти, равно как их умственное развитие, подталкивали к восстанию против религиозного диктата таких князей церкви, как Лод¹³, и против правления Стюартов. Ущерб, нанесенный королями Яковом и Карлом¹⁴ тому делу, которым в Уэст-Райдинге зарабатывали на жизнь, превратил большинство его жителей в сторонников республики. У меня еще будет впоследствии возможность дать несколько примеров проявления добрых чувств, равно как и обширных знаний по вопросам внутренней и внешней политики, которые выказывают в наше время жители деревень, лежа-

¹⁰ Эдуард III (1312–1377) – король Англии с 1327 г.

¹¹ Яков I (1566–1625) – король Шотландии (с 1567) и Англии (с 1603); первый король из династии Стюартов.

¹² Имеются в виду события 1614–1621 гг., когда лондонский купец, олдермен (член муниципального совета), впоследствии мэр Лондона Уильям Кокейн (1561–1626) убедил правительство, что идущее на экспорт английское сукно нужно окрашивать в Англии, так как окрашенная ткань будет стоить дороже, и получил патент на организацию компании, которая монополизировала торговлю окрашенным сукном. Однако английские технологии уступали голландским, а правительство Голландии развязало торговую войну против Англии. Вскоре англичане снова начали ввозить неокрашенное сукно в голландские порты.

¹³ Лод Уильям (1573–1645) – архиепископ Кентерберийский с 1633 г., боролся с пуританизмом и поддерживал Карла I; был обезглавлен.

¹⁴ Имеется в виду Карл I (1600–1649), король Англии, Шотландии и Ирландии с 1625 г.; казнен во время революции.

щих по сторонам горного хребта, отделяющего Йоркшир от Ланкашира; эти люди принадлежат к одному типу и обладают сходными свойствами характера.

Потомки воинов, сражавшихся в войсках Кромвеля при Данбаре¹⁵, владеют землями, некогда завоеванными их предками, и, наверное, нет в Англии другого уголка, где республиканские традиции и память о Содружестве¹⁶ сохранялись бы так долго, как здесь, среди работников шерстяных фабрик Уэст-Райдинга, для которых восхитительная коммерческая политика лорд-протектора отменила все торговые ограничения. Я слышала из надежного источника, что не далее как тридцать лет назад фраза «во дни Оливера» еще всю использовалась для обозначения времени необыкновенного процветания. Имена, которые дают новорожденным в том или ином месте, всегда указывают, кого здесь считают героями. Серьезные люди, имеющие твердые политические убеждения и непоколебимые в делах веры, не видят ничего смешного в именах, выбранных для своих потомков. И сейчас еще можно найти неподалеку от Хаурта детей, которым предстоит прожить жизнь Ламартинами, Кошутами или Дембинскими¹⁷. Кроме того, свидетельством вышеописанных качеств жителей этого района является тот факт, что библейские имена, распространенные у пуритан, все еще сохраняются в йоркширских семьях, принадлежащих к среднему и низшему классу, причем это не зависит от их религиозных убеждений. Есть многочисленные письменные свидетельства того, что отставленные от своих мест во время репрессий Карла II¹⁸ священники получали теплый прием как у местного дворянства, так и у здешних бедняков. Все это говорит о давнем еретическом духе независимости, отличающем до сего дня население Уэст-Райдинга.

Приход Галифакс граничит с бредфордским приходом, частью которого является хауртская церковь. Оба расположены на схожей – холмистой и невозделанной – земле. Изобилие угля и горных речек делает этот район крайне привлекательным для строительства фабрик. Поэтому, как я уже отмечала, местные жители в течение столетий занимались не только сельским хозяйством, но и ткачеством. Однако торговые отношения долго не приводили к улучшению жизни и приходу цивилизации в эти отдаленные деревеньки и разбросанные по холмам дома. Мистер Хантер в своей «Жизни Оливера Хейвуда»¹⁹ приводит суждение из воспоминаний некоего Джеймса Ритера, жившего во времена королевы Елизаветы, которое отчасти верно и сегодня: «У них нет привычки ни почтительно относиться к старшим, ни быть любезными вообще. Следствием этого является мрачный и неуступчивый характер, так что пришелец из других мест поначалу оказывается ошарашен вызывающим тоном любого разговора и свирепым выражением на любом лице».

И в наше время такой пришелец, задав какой-нибудь вопрос местному жителю, наверняка получит резкий и грубый ответ, если только вообще получит. Иногда угрюмость и грубость йоркширцев кажутся даже оскорбительными. Однако если «иностранец» отнесется к их

¹⁵ В битве при Данбаре (1650) шотландские войска уступили войскам парламента, в результате чего была уничтожена монархия и завоевана Шотландия.

¹⁶ *Содружество Англии, Шотландии и Ирландии* – официальное название республики, существовавшей с 1649 по 1660 г. В 1653–1658 гг. лорд-протектором Содружества был Оливер Кромвель (1599–1658).

¹⁷ *Ламартин Альфонс де* (1790–1869) – французский писатель и деятель революции 1848 г. *Кошут Лайош* (1802–1894) – венгерский революционер, премьер-министр и президент Венгрии во время революции 1848–1849 гг.; в 1850-е гг. жил в Англии. *Дембинский Генрик* (1791–1864) – один из руководителей Польского восстания 1830 г. и Венгерской революции 1848 г.

¹⁸ *Карл II* (1630–1685) – король Англии и Шотландии с 1660 г.; после Реставрации объявил амнистию всем деятелям республиканского правительства, кроме царевубийц, голосовавших за казнь его отца. Оставшиеся в живых участники суда над Карлом I были казнены, а тела покойных, включая останки самого Кромвеля, были вырыты из могил, повешены и четвертованы. Пытался подчинить различные религиозные секты: после принятия «Акта о единообразии» (1662) все священники должны были принести клятву, что они будут следовать доктрине англиканской церкви, как она изложена в Книге общей молитвы.

¹⁹ *Хейвуд Оливер* (1630–1702) – английский неконформистский священник, его жизнь была описана Джозефом Хантером в биографии, изданной в 1842 г.

нахальству добродушно, как к чему-то естественному, и отдаст должное их скрытой доброте и гостеприимству, то эти люди покажутся ему достойными, щедрыми и надежными. В качестве небольшой иллюстрации того, что у жителей этих отдаленных поселений грубоватость манер присуща всем слоям общества, я могу рассказать о случае, происшедшем со мной и моим мужем три года назад в городке Аддингаме, – этот город упоминается в стихах:

Из Пениджента, Пендл-Хилл,
Из Линтона, из Аддингама,
Из Крейвена всего мужи
За сильным Клиффордом пришли...²⁰

Этот городок – один из тех, которые послали своих воинов сражаться в битве при Флодден-Филд, – расположен неподалеку от Хауорта.

Мы ехали по улице и вдруг увидели истекающего кровью человека, – по-видимому, он был из тех несчастливцев, которые притягивают к себе беды, как магнит железо. Его угораздило прыгнуть в речку, протекавшую через деревню, куда все бросали битое стекло и бутылки. Теперь он, обнаженный, шел по улице к близлежащему домику, шатаясь и обливаясь кровью. У него не просто была ранена рука, а оказалась перерезана артерия, и дело вполне могло завершиться смертельным исходом. Впрочем, шедший навстречу родственник успокоил его, сказав, что если это произойдет, то «много возиться не придется».

Мой муж остановил кровотечение, перетянув руку несчастного ремнем, одолженным одним из зевак, и спросил, послали ли за доктором?

– Та послали, – последовал ответ. – Только он не придет.

– Почему же?

– Та старый он, понимаешь, и с астмой, а тут в гору переть.

Мой муж, взяв в качестве провожатого мальчишку, поспешил за врачом, чей дом находился, как выяснилось, менее чем в миле от места происшествия. Когда они подошли к дверям, оттуда вышла тетушка раненого парня.

– Идет доктор? – спросил мой муж.

– Та не. Нейду, грит.

– Но вы ему сказали, что раненый может истечь кровью?

– А то.

– Ну и что он ответил?

– Та грит: хрен с ним, мне что за дело?

Кончилось тем, что врач выслал на помощь своего сына, который был «не по докторской части», но тем не менее сумел оказать первую помощь – забинтовал руку. Оправдание поступка врача местные находили в том, что «ему восемьдесят почти, он не петрит уже ничего, а детей у него аж двадцать».

Самым спокойным среди зевак выглядел брат поранившегося парня. Пока тот лежал в луже крови на полу, жалуясь, что «руку так и жжет», его стоический родственник невозмутимо покуривал свою черную трубочку, не произнося ни слова сочувствия или сожаления.

Грубые лесные обычаи сохранялись на опушках темных лесов, покрывавших отлогие склоны холмов, до середины семнадцатого столетия. Смертная казнь через отсечение головы была общим наказанием для всех, кто признавался виновным даже в мелких преступлениях, и это привело к тому, что безразличие к человеческой жизни вошло у местных в привычку.

---

²⁰ В этом старинном стихотворении, сочиненном школьным учителем из Инглтона в Уэст-Райдинге, описывается сражение между шотландцами и англичанами при Флоддене, состоявшееся 9 сентября 1513 г. Вторжение шотландцев во главе с королем Яковом IV было отражено английскими войсками, которыми командовал Томас Говард, граф Сюррей.

Дороги еще тридцать лет назад были до того плохи, что деревни почти не сообщались между собой, хотя при этом их жители очень старались вовремя доставлять продукты своего труда на рынок. А в одиноко стоящих на склонах холмов домах и в убежищах местных карликовых магнатов преступления могли совершаться совершенно незаметно и безнаказанно, без риска вызвать народный гнев, который привлечет сюда сильную руку закона. Следует напомнить, что в старые годы в сельской местности не было полиции, и немногие имевшиеся тогда судьи были вынуждены действовать без всякой поддержки. Часто они находились в родстве с местными жителями, смотрели сквозь пальцы на правонарушения и только подмигивали, видя злоупотребления, похожие на их собственные.

Люди среднего и старшего возраста со смешанными чувствами вспоминают о днях своей юности, проведенных в этих краях. В зимние месяцы им приходилось подниматься на холмы в телегах, вязнущих в грязи, и только самые неотложные дела могли заставить их покинуть свой двор. Дела эти приходилось осуществлять, преодолевая такие трудности, которые теперь им, несущимся на Бредфордский рынок в первоклассном быстроходном экипаже, уже кажутся непреодолимыми. Так, например, один владелец шерстяной фабрики вспоминает, что менее четверти века назад ему приходилось зимним утром отправляться из дому затемно, чтобы вовремя доставить в Бредфорд подводу, нагруженную отцовским товаром. Груз укладывали всю ночь, а утром вокруг подводы суетился народ: повсюду мелькали фонари, осматривали подковы лошадей, и вот наконец медлительная повозка трогалась в путь. Кто-то должен был на ощупь идти впереди, стуча перед собой палкой по острым и скользким каменным выступам, а иногда даже опускаясь на четвереньки, пока повозка не выезжала на сравнительно удобный, с глубокой колеёй большак. До покрытых вереском нагорий добирались верхом, двигаясь по следам нагруженных лошадей, перевозивших посылки, товары и грузы между городами, еще не соединенными большой дорогой.

Однако зимой все эти транспортные средства становились бесполезны из-за снега, а он долго не тает в открытой всем ветрам горной местности. Я была знакома с людьми, которые во время поездки в почтовой карете за Блэкстоунский кряж задержались чуть ли не на неделю, если не больше, на маленьком постоялом дворе почти у самой вершины. Им пришлось провести там и Рождество, и Новый год. Истребив хозяйский запас провизии, незваные гости принялись за индеек, гусей и йоркширские пироги, которые перевозила карета. Но и эти продукты скоро подошли к концу. Как раз в это время, на их счастье, потеплело, и узники смогли покинуть свою тюрьму.

Горные деревеньки кажутся оторванными от всего мира, однако их одиночество – ничто по сравнению с той изоляцией, в которой пребывают серые наследственные дома, разбросанные тут и там среди пустошей. Обычно эти жилища невелики, но прочны и достаточно просторны для их обитателей – хозяев окружающей дом земли. Здесь нередко можно встретить семьи, владеющие своим наделом еще со времен Тюдоров²¹. Это остатки старого сословия йоменов²², однодворцы, мелкие помещики, число которых стремительно сокращается в наше время. Можно назвать две причины подобного упадка. Либо землевладелец ленится и пьянствует и в конце концов бывает принужден продать свой участок, либо, наоборот, он оказывается человеком практичным, с авантюрной жилкой и тогда решает, что сбегающая с горы речка или минералы у него под ногами принесут ему богатство. Тогда он оставляет прежнюю трудовую жизнь мелкого землевладельца и превращается в фабриканта, начинает копать уголь или разрабатывать карьер, чтобы добывать камень.

Некоторые представители йоменского сословия продолжают жить прежней жизнью и в наше время. Эти обитатели отдаленных, затерянных в горах домов отличаются крутым харак-

²¹ *Тодоры* – королевская династия в Англии, правившая в 1485–1604 гг.

²² *Йомен* – в феодальной Англии мелкий землевладелец, самостоятельно обрабатывающий землю.

тером и большой эксцентричностью. Более того, полудикие люди, почти никогда не видящие себе подобных, воспринимающие общественное мнение всего лишь как невнятное эхо дальних голосов, могут иметь и противоестественные, преступные наклонности.

Уединенная жизнь порождает фантазии, которые со временем превращаются в мании. И тогда сильный йоркширский характер, не подчинившийся «деловому городу и оживленному рынку», в самых отдаленных уголках принимает странные, своенравные формы. Недавно мне довелось услышать любопытный рассказ об одном землевладельце, живущем, правда, на ланкаширской стороне гор, но по происхождению и воспитанию относящемся к той же породе йоркширцев, что и жители противоположной стороны. Его доход составлял, вероятно, семьсот или восемьсот фунтов в год, а дом являл собой пример прекрасно сохранившейся старины и всем своим видом показывал, что предки нынешнего владельца в течение долгого времени были людьми уважаемыми и небедными. Моему собеседнику очень понравился внешний вид этого поместья, и он попросил сопровождавшего его деревенского парня: «Я хотел бы подойти поближе, чтобы получше разглядеть дом». Однако тот ответил: «Та лучше б вам не подходить, сэр. Хозяин вас облает, а то и палить начнет, как недавно в тех, что подошли прямо к дому». Убедившись, что у помещика из вересковых пустошей и впрямь имеется столь негостеприимный обычай, джентльмен оставил свое намерение. Я полагаю, этот дикий йомен здравствует до сих пор.

Рассказывают и о другом сквайре, происходившем из более благородного рода и куда более состоятельном, а это позволяет надеяться на лучшее образование и воспитание, хотя надежды оправдываются далеко не всегда. Этот человек умер в своем доме неподалеку от Хауорта всего несколько лет назад. Его любимым развлечением и главным занятием были петушиные бои. Когда этот господин, подкошенный болезнью, которой суждено было стать последней, уже не мог выходить из своей комнаты, он приказал принести петухов и наблюдал за их кровавой схваткой из постели. Когда же ему стало плохо настолько, что он уже не мог поворачивать голову, чтобы следить за битвой, сквайр велел расставить вокруг себя зеркала и умер, наблюдая в них поединок.

Это всего лишь примеры той эксцентричности, которая служит фоном рассказам о преступлениях и насилии, царивших в этих уединенных местах, – рассказам, до сих пор сохранившимся в памяти старожилов, среди которых есть и те, кто, несомненно, был знаком с авторами «Грозового перевала» и «Незнакомки из Уайлдфелл-холла»²³.

Однако нельзя сказать, что развлечения простолюдинов были гуманнее, чем у людей богатых и образованных. Джентльмен, который поведал мне многое из изложенного выше, вспоминает о травле собаками привязанного быка, – такая забава была в ходу в Рочдейле еще лет тридцать назад. Быка приковывали цепью или привязывали длинной веревкой к столбу, врытому в дно реки. В день, когда происходила травля, мельники обычно останавливали колеса своих мельниц, чтобы повысить уровень воды в реке и дать возможность простому народу от души насладиться этим диким зрелищем. Бык иногда резко разворачивался, так что веревка, которой он был привязан, натягивалась и опрокидывала тех, кто, забыв осторожность, заходил слишком далеко в воду, и тогда добрые жители Рочдейла радовались, глядя на тонущих соседей, не меньше, чем самой травле быка собаками.

Жители Хауорта обладают такой же физической силой и крутым нравом, как и их соседи на другом склоне холма. Деревня, окруженная вересковыми пустошами, находится между двумя графствами на старой дороге из Китли в Колн. В середине прошлого столетия она получила известность как место служения преподобного Уильяма Гримшоу, который исполнял обязанности хауортского викария на протяжении двадцати лет²⁴. До того времени викарии были,

²³ «Грозовой перевал» – роман Эмили Бронте (1847), «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» – роман Энн Бронте (1848).

²⁴ Преподобный Уильям Гримшоу (1708–1763) исполнял должность викария Хауортского прихода с 1742 г. до смерти.

вероятно, такими же, как некий мистер Николз, йоркширский священник, живший в первые десятилетия после Реформации, о котором известно, что он «был весьма привержен к крепким напиткам и дружеству» и часто говаривал своим приятелям так: «Не берите с меня пример и смотрите на меня только тогда, когда я стою на три метра выше земли», то есть на кафедре в церкви.

Жизнь мистера Grimshaw описана мистером Ньютоном, другом Купера²⁵. Из этого жизнеописания можно извлечь весьма любопытные примеры того, как человек, глубоко верующий и осознающий важность своей миссии, способен подчинить себе неотесанных мужланов. Похоже, что этот священник не отличался религиозным фанатизмом, но, однако, вел высоко-нравственную жизнь и добросовестно выполнял свои пасторские обязанности. Жизнь его не была отмечена особенными событиями вплоть до воскресного дня в сентябре 1744 года. В тот день его служанка, поднявшись в пять утра, нашла своего хозяина уже стоящим на молитве. По ее словам, мистер Grimshaw, помолвившись некоторое время в своей комнате, отправился выполнить пасторский долг в доме одного из прихожан, затем снова молился, вернувшись домой, и затем, так и не съев ни крошки, проследовал в церковь, чтобы отслужить утреню. Здесь, читая отрывок из Нового Завета, мистер Grimshaw внезапно упал и лишился чувств. Когда он пришел в себя, ему помогли выйти из церкви. Стоя на паперти, он обратился к пастве и попросил прихожан не расходиться, поскольку ему нужно будет им кое-что сказать, как только он вернется. Его отвели в дом церковного служителя, где он снова потерял сознание. Служанка стала растирать его, чтобы восстановить кровообращение. Когда пастор пришел в себя, он показался ей «вдохновенным», и первые слова, им произнесенные, были: «Мне было восхитительное видение, сошедшее с третьих небес». Однако он не уточнил, что именно увидел, а вместо этого вернулся в церковь и возобновил службу. Это было в два часа пополудни, а служба закончилась только в семь вечера.

С того дня мистер Grimshaw начал отдавать всего себя с пылом, достойным Уэсли, и с рвением, свойственным Уайтфилду²⁶, тому, чтобы привести свою паству на истинно христианский путь. У жителей деревни был обычай играть по воскресеньям в футбол, используя вместо мяча камни. При этом они вызывали на состязание другие приходы и сами принимали такие вызовы. Случались также скачки на лошадях по вересковым пустошам за деревней, а дальше следовало пьянство и распутство. В деревне не прошло ни одной свадьбы, которая не сопровождалась бы грубым развлечением в виде состязаний в беге, когда полуобнаженные бегуны скандализировали всех добропорядочных людей. А старый обычай «арвиллов» – поминок на похоронах – частенько приводил к генеральному сражению между перепившимися скорбящими. Таковы были нравы тех людей, с которыми приходилось иметь дело мистеру Grimshaw. Однако ему удалось посредством различных способов – и некоторые из них были самого практического свойства – во многом изменить жизнь своего прихода. Во время службы ему иногда помогали Уэсли и Уайтфилд, и тогда маленькая церковка оказывалась не способна вместить толпу прихожан из отдаленных деревень или уединенных домов в пустошах. Часто многие оставались молиться на открытом воздухе: внутри не хватало места даже для причастников. Однажды приглашенный на сослужение в Хаурт мистер Уайтфилд начал говорить о том, что не нужно долго распространяться перед паствой, в течение долгих лет имевшей в качестве пастыря столь набожного и благочестивого священника. В этот момент «мистер Grimshaw поднялся со своего места и попросил во всеуслышание: „О сэр, ради Господа, не говорите так! Умоляю, не льстите мне. Боюсь, что большая часть этой паствы направляется в ад вполне сознательно“».

²⁵ *Ньютон Джон* (1725–1807) – капитан работоргового судна, переживший религиозное откровение и ставший священником. Он написал «Воспоминания о жизни покойного Уильяма Grimshaw» (*Memoirs of the Life of the Late William Grimshaw*, 1825). Ньютон дружил с поэтом-предромантиком Уильямом Купером (1731–1800).

²⁶ *Джон Уэсли* (1703–1791) и *Джордж Уайтфилд* (1714–1770) были вождями методистов – религиозного движения, которое ставило личную веру выше соблюдения ритуалов; в 1795 г. методисты откололись от англиканской церкви.

Если это и была правда, то виной тому отнюдь не недостаток усердия со стороны мистера Гримшоу. Он проводил в неделю по двадцать-тридцать служб в домах своих прихожан. Если кто-то из паствы проявлял невнимание, то пастор прерывался, обращался к нему с увещанием и не возобновлял службы до тех пор, пока все не становилось на колени. Он проявлял особое усердие, требуя ото всех посещать церковь по воскресеньям, и даже не разрешал прихожанам погулять в полях между двумя службами. Выбирал самые длинные псалмы (говорят, особенно он любил 119-й²⁷) и, пока прихожане пели, спускался с кафедры и, прихватив кнут, отправлялся в таверну, где принимался хлестать тех, кто отлынивал от посещения церкви. Только самые шустры успевали выскочить через черный ход и избежать побоев. Мистер Гримшоу обладал отменным здоровьем, был весьма подвижен и часто отправлялся в отдаленные горные районы, чтобы «открыть глаза» тем, кто забыл о религии. При этом, чтобы сэкономить время и не быть в тягость тем, в чьих домах он проводил свои службы, пастор брал с собой немного провизии – всего лишь кусок хлеба с маслом или луковицей, и этого ему хватало на целый день.

Скачки вызывали у мистера Гримшоу справедливое возмущение: они привлекали в Хауорт большое число бездельников и мотов и были подобны спичке, которой только и не хватало местному горючему материалу, чтобы в округе ярким пламенем разгорелось нечестие. Мистер Гримшоу использовал все возможные способы воздействия, вплоть до запугивания, чтобы отменить скачки, однако не преуспел. Тогда, дойдя до предела отчаяния, пастор принялся молиться с таким пылом, что на землю внезапно хлынул ливень и буквально залил поле для скачек. Бега не состоялись, даже несмотря на то, что многие были согласны смотреть на них под дождем. С этого дня скачки в Хаурте больше не возобновлялись, а память о славном священнике сохраняется до сих пор. Его набожные богослужения и человеческие достоинства – поистине гордость прихода.

Однако боюсь, что тьма язычества, из которой вызволил этих людей своими личными усилиями неистовый священник, вновь сгустилась после его смерти. Он построил часовню для методистов, последователей Уэсли, а вскоре после этого баптисты также построили здесь молельный дом. Местные жители, как справедливо замечает доктор Уитейкер, «сильно веруют», однако в наше время, пятьдесят лет спустя, их вера не всегда воплощается в делах. Еще четверть века назад здешние представления о морали во многом определялись традициями предков-викингов. Кровная месть передавалась от отца к сыну как некий наследственный долг, а способность много выпить, избежав головной боли, почиталась одной из главных добродетелей. Игра в футбол по воскресеньям с принявшими вызов жителями соседних приходов возобновилась, а с ней возобновился и приток буйных гостей, наводнявший кабаки и заставлявший трезвомыслящих жителей со вздохом вспоминать крепкую руку славного мистера Гримшоу и его всегда готовый к услугам кнут. Старый обычай поминок-арвиллов расцвел, как встарь. Могильщик, стоя у открытой могилы, провозглашал, что арвилл состоится в «Черном быке» или в какой-нибудь другой таверне, выбранной друзьями покойного, после чего скорбящие и их знакомые направлялись туда дружной толпой, чтобы утешиться. Происхождение этого обычая связано с необходимостью отдыха для тех, кто пришел на похороны издалека, чтобы отдать последний долг усопшему другу. В жизнеописании Оливера Хейвуда есть два фрагмента, которые показывают, какую именно еду подавали на арвиллах в тихом диссентерском²⁸ приходе в семнадцатом столетии: на первом, состоявшемся в Торесби²⁹ по случаю кон-

²⁷ ...119-й псалом... – Этот псалом (в русской нумерации № 118: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в Законе Господнем...») состоит из 176 стихов.

²⁸ Диссентеры – члены сект, отколовшихся от англиканской церкви; их позиции были сильны в северных промышленных районах, включая Йоркшир. Сама Э. Гаскелл принадлежала к унитарийской церкви – одной из ветвей диссентерства.

²⁹ Торесби – деревня в Северном Йоркшире.

чины Оливера Хейвуда, упоминаются «холодные посsetы³⁰, чернослив, пирог и сыр». Второй фрагмент говорит о более скупом угощении, в соответствии с духом времени (он написан в 1673 году): «Ничего, кроме куска пирога, глотка вина и веточки розмарина».

В Хаурте поминки обычно проходили куда веселее. Небогатым устроителям предписывалось принести всего лишь по булочке со специями для каждого из пирующих, а стоимость спиртных напитков – рома, эля или их смеси, именуемой «собачий нос», – как правило, оплачивали гости: они клали деньги на тарелку, поставленную посредине стола. А те, кто был побогаче, могли угостить своих гостей бесплатным ужином. В день похорон преподобного мистера Чарнока, который служил здесь после мистера Гримшоу и еще двух священников, на арвилл собралось около восьмидесяти человек, и стоимость пиршества составила четыре шиллинга шесть пенсов с каждого, причем эти деньги внесли друзья покойного. Ближе к концу дня, когда гости «заливали глаза», возникали «отдельные потасовки», в том числе с ужасными последствиями в виде «резаных ран» и даже укусов.

Хотя я описываю в основном те черты жителей Уэст-Райдинга, ярко проявившиеся в первой четверти нашего столетия (а может быть, и чуть позднее), у меня нет сомнения, что и в настоящее время в повседневной жизни людей, столь независимых, своенравных, суровых, найдется немало такого, что приведет в шок и замешательство тех, кто привык к более тонким манерам, свойственным южанам. Нет у меня сомнений и в том, что практичные, здравомыслящие и энергичные йоркширцы оплатят манерным «иностранцам» ничуть не меньшим презрением.

Как я уже сказала, очень вероятно, что на том месте, где сейчас возвышается хауртская церковь, некогда стояла древняя «филд-кирк», или часовня. По саксонским законам такие постройки принадлежали к третьему, низшему разряду религиозных сооружений, и потому в них нельзя было совершать ни погребения, ни главные христианские таинства³¹. «Филд-кирками», то есть полевыми церквями, их называли потому, что они не имели ограды и стояли прямо среди поля или вересковой пустоши. Основатель церкви, согласно законам Эдгара³², был обязан, не тратя церковной десятины, поддерживать служащего здесь священника из остальных девяти десятых своего дохода. После Реформации право выбора священнослужителя во всех часовнях, раньше считавшихся «полевыми», было даровано свободным землевладельцам и членам церковного совета, которые одобряли кандидатуру священника своего прихода. Однако из-за некоторой нерадивости прихожан в Хаурте это право было утрачено землевладельцами и членами совета еще во времена архиепископа Шарпа³³, и пастора стал назначать бредфордский викарий. Так, по крайней мере, утверждают некоторые авторитетные источники. Вот что пишет мистер Бронте: «Этот приход имел в качестве патронов викария Бредфорда и нескольких попечителей. Мой предшественник получил место с согласия бредфордского викария, но при сопротивлении со стороны попечителей. И вследствие этого он, будучи не в силах сопротивляться обструкции, попросил об отставке всего лишь через три недели после назначения».

Доктор Скорсби³⁴, бывший некоторое время викарием Бредфорда, в разговоре о свойствах характера жителей Уэст-Райдинга упомянул о некоем бунте, случившемся во время представления к должности мистера Редхеда, предшественника мистера Бронте в Хаурте. По его словам, в данном эпизоде проявилось столько примечательных особенностей нравов мест-

³⁰ *Поссет* – напиток из горячего молока, вина, эля или других спиртных напитков, часто с пряностями и сахаром.

³¹ Имеются в виду семь священных христианских обрядов: крещение, бракосочетание, исповедь, соборование, причащение, миропомазание, рукоположение в священники.

³² *Законы Эдгара* – законы, принятые при англосаксонском короле Эдгаре Миротлюбивом (943–975, правил в 959–975).

³³ *Шарп Джеймс* (1618–1679) – шотландский священник, с 1661 г. архиепископ Сент-Эндрюсский.

³⁴ *Скорсби Уильям* (1789–1857) – исследователь Арктики, впоследствии англиканский священник и викарий (наместник) Бредфорда (1839–1847); у него Э. Гаскелл черпала сведения о местной истории и нравах.

ных жителей, что он посоветовал мне как следует разобраться в этом деле. Я так и поступила и теперь могу со слов ныне здравствующих участников и свидетелей рассказать о средствах, к которым прибегли жители деревни, чтобы изгнать назначенного против их воли священника.

Как уже было сказано, третьим по счету после мистера Гримшоу в Хауорте служил мистер Чарнок. Он долго болел, и болезнь сделала его неспособным выполнять свои обязанности без посторонней помощи – именно в качестве его помощника в деревне и появился мистер Редхед. Пока был жив мистер Чарнок, младший священник вполне устраивал прихожан и даже пользовался их уважением. Но все переменилось после смерти мистера Чарнока в 1819 году. Тогда жители решили, что члены церковного совета несправедливо лишены своего права бредфордским викарием, который назначил мистера Редхеда настоятелем в их приходе.

В то воскресенье, когда мистер Редхед приготовился провести свою первую службу, хауортская церковь была заполнена так, что народ стоял даже в проходах. Большинство собравшихся явились в обуви на деревянной подошве, распространенной в здешних местах. Когда мистер Редхед принялся читать второй отрывок из Писания, полагавшийся на этот день, вся паства вдруг дружно, как один человек, поднялась и двинулась к выходу из церкви, громко стуча деревянными башмаками. Продолжать богослужение остались лишь мистер Редхед и его служка. Все это выглядело просто ужасно, однако в следующее воскресенье было еще хуже. Скамьи на этот раз оказались полностью заняты, как и раньше, но проходы остались свободными. Оказалось, сделано это было специально, а для чего – выяснилось на том же этапе службы, на котором начались неприятности неделей раньше. В церковь въехал человек верхом на осле, причем сидел он задом наперед, а на голове у него было надето множество старых шляп – столько, сколько могло удержаться. Он принялся подгонять осла, чтобы тот сделал круг по проходам между скамьями, и крик, возгласы и смех прихожан совершенно заглушили голос мистера Редхеда, так что ему пришлось замолчать.

До поры до времени никто не прибегал к насилию. Однако в третье воскресенье жители, похоже, сильно разозлились, увидев, что мистер Редхед, явно пренебрегая их волеизъявлением и даже бросая им вызов, проехался по деревенской улице в компании нескольких джентльменов из Бредфорда. Эти господа оставили своих лошадей в «Черном быке» – таверне и постоялом дворе, – ради удобства проведения арвиллов или по какой-то другой причине расположенном неподалеку от церкви, а сами вошли в церковь. Местные жители последовали за ними в сопровождении трубочиста, которого заранее наняли почистить трубы этим утром в постройках при кладбище, а после работы напоили так, что он пришел в почти бессознательное состояние. Трубочиста посадили непосредственно перед кафедрой, чтобы всем было видно, как кивает его черная голова, выражая пьяное и тупое одобрение всему, что говорит мистер Редхед. В конце концов, повинувшись каким-то своим пьяным мыслям, а может быть, и подговоренный заранее неким бузотером, трубочист взобрался по ступеням, ведущим к кафедре, и попытался обнять мистера Редхеда. Тут совсем не благоговейное веселье среди собравшихся стало усиливаться, как стихия, и вскоре превратилось в неистовство. Мистер Редхед хотел бежать, но прихожане подталкивали покрытого сажей трубочиста так, чтобы тот преграждал священнику путь. Затем обоих вытащили на руках во двор и опустили на землю в том месте, где вытряхивают мешки с сажей. Мистер Редхед вырвался и побежал к «Черному быку». Он бросился внутрь, после чего двери немедленно захлопнулись. Люди пришли в ярость и начали угрожать, что забросают камнями священника и его приятелей. Один из тех, с кем я беседовала, ныне глубокий старик, а в те годы владелец «Черного быка», вспоминает: толпа была разъярена до такой степени, что представляла самую серьезную угрозу для жизни мистера Редхеда. Этот кабатчик, однако, сумел организовать побег непопулярным пленникам своего заведения. «Черный бык» стоит почти на вершине длинной и крутой Хауорт-стрит, а внизу, вблизи моста, на дороге в Китли, находится застава со шлагбаумом. Объяснив своим загнанным гостям, что надо выбираться через черный ход (тот самый, сквозь который некогда сбегали бездельники,

чтобы избежать кнута мистера Гримшоу), хозяин и несколько его работников сели на коней, принадлежащих джентльменам из Бредфорда, и принялись гарцевать прямо у входа в трактир, среди разъяренной толпы. Между домами были проходы, и всадники видели сквозь них, как мистер Редхед и его приятели крадутся вниз по закоулкам. Подождав, когда те спустятся, спасители пришпорили лошадей и поскакали вниз к заставе. Ненавистный священник и его друзья успели вскочить в седла и ускакать раньше, чем их враги обнаружили, что добыча уходит. Прихожане бросились к заставе, но не обрели там ничего, кроме закрытого шлагбаума.

После этого мистер Редхед не появлялся в Хаурте много лет. Когда же он все-таки приехал провести службу, то при большом собрании весьма внимательных слушателей добродушно напомнил им об обстоятельствах, которые описаны выше. Местные жители оказали ему самый радушный прием: теперь им не на что было сердиться, хотя раньше они были готовы закидать его камнями, лишь бы отстоять то, что считали своими правами³⁵.

Этот рассказ я слышала от двух местных жителей в присутствии друга, который может подтвердить точность моего пересказа, а кроме того, он отчасти подтверждается следующим письмом от того йоркширского джентльмена, чьи слова я уже приводила.

Меня не удивили те сложности, с которыми Вы столкнулись в определении некогда происходившего здесь. Мне бывает трудно припомнить то, что я слышал собственными ушами, как и удостовериться в подлинности услышанного. Но как бы там ни было, история про осла, похоже, подлинная. Мистер Редхед и доктор Рэмсботам, его зять, – люди, мне хорошо знакомые, и к каждому из них я отношусь с симпатией.

Я побеседовал на днях с двумя хауртцами, жившими здесь в те времена, о которых Вы рассказываете. Это сын и дочь бывшего попечителя, им обоим сейчас уже за шестьдесят. Они заверили меня, что действительно осел был введен в церковь. Один из моих собеседников утверждает, что верхом на осле сидел полусумасшедший: он сидел задом наперед, а на голове у него было надето несколько шляп, одна на другую. Надо признать, что ни один из моих свидетелей сам при этом не присутствовал. Насколько я могу судить, во время воскресной службы ничего особенного не происходило вплоть до самого конца, и полагаю, что не следует считать причиной случившегося неприязнь жителей деревни именно к мистеру Редхеду. Это был чрезвычайно дружелюбный и достойный человек, с которым меня лично связывают многочисленные связи и обязанности. Только в Вашей книге я впервые прочел, что трубочист поднялся по ступеням кафедры. Надо признать, однако, что он действительно находился в церкви и был одет в соответствии со своей профессией. (...) Надо добавить, что в то воскресенье, когда произошли эти прискорбные события, в церкви присутствовало множество прихожан, не являвшихся местными жителями. Они пришли из «твердынь», расположенных на пустошах в самых отдаленных уголках прихода, – «из-за гор», как у нас говорится; такие люди по своему развитию отстают гораздо дальше от современной цивилизации, чем хауртцы.

Приведу несколько примеров неотесанности таких прихожан.

Однажды холодным зимним днем хауртский курьер принес посылку в контору моего приятеля и при этом не закрыл за собой дверь. «Робин! Закрой дверь!» – приказал ему хозяин. Тот никак не отозвался. «Эй! У вас в деревне есть двери?» – спросил мой друг. «Та есть, – ответил Робин, – только мы их

³⁵ Зять Сэмюэля Редхеда оспорил достоверность рассказа Э. Гаскелл; в ответ писательница включила в третье издание книги свидетельства двух очевидцев описанных ею происшествий.

никогда не прикрываем». И действительно, мне часто приходилось замечать настежь распахнутые двери даже зимой.

Если уметь управляться с местными жителями, то их вольный нрав и неукротимая энергия не причинят вам вреда, но в противном случае вам может грозить опасность. Никогда не забуду яростной ругани, услышанной от одного из них, страдавшего белой горячкой. Его лицо, выражавшее и гнев, и презрение, и испуг, казалось какой-то дьявольской маской.

Однажды я зашел к одному весьма уважаемому йомену, и он принялся уговаривать меня – со всем деревенским простодушием – воспользоваться его гостеприимством. Я согласился. Он говорил: «Да-да, майстер, отдохните-ка, чайку попейте». Вскоре был накрыт обильный стол; все делалось быстро в мои молодые годы, когда я гулял по тамошним холмам. Нам прислуживала весьма почтенная женщина. Наполнив кружки, она обратилась ко мне с такими словами: «Ну а теперь, майстер, можете встать из-за стола». Я опешил, а хозяин пояснил: «Она хочет сказать: молитву прочтите, как гость». Поняв, в чем дело, я встал и прочел благодарственную молитву.

Как-то раз мне довелось беседовать с пожилой женщиной, которая так определила свои способности к красноречию: «Слава Господу, красноротой я никогда не была!» Особенно трудно бывает их понять, когда они пишут. Я видел письмо, в котором слово «извините» было написано так: «дзвиньте».

Однако есть и такие подробности хауртской жизни, которые смягчают общее впечатление грубости. Трудно найти деревню, где у местных жителей были бы так хорошо развиты музыкальные способности, – в то время как во всех других отношениях они далеко отстают от современных требований. Когда я приехал в Хаурт, меня встречал целый оркестр с хором, и этим людям были хорошо знакомы лучшие произведения Генделя, Гайдна, Моцарта, Марчелло и т. д. По своему репертуару, вкусу, вокальным данным они значительно отличались от обычных деревенских хоров, и их наперебой приглашали на большие праздники для исполнения как сольных, так и хоровых песен. В деревне до сих пор живет человек, певший в этом хоре на протяжении пятидесяти лет. Он обладал одним из лучших теноров, какие мне приходилось слышать, и в то же время он отличался тонким вкусом, присущим только образованным людям. Много раз ему и его товарищам предлагали уехать в город, но никто из них не пожелал оставить свежий воздух и просторы родных гор. Я с умилением вспоминаю их концерты, а ведь самому раннему из этих воспоминаний уже шестьдесят лет. У жителей здешних мест сильны и привязанности, и антипатии, и традиции гостеприимства – они все делают пылко и просто, от всего сердца. Именно сердечность я бы выделил как самую характерную их черту. Эти горцы, сколько я их помню, всегда отличались благородством и правдивостью, но только попробуйте заронить в них малейшее подозрение, что вы хотели их обидеть, и вам не поздоровится. Любое принуждение вызывает у них протест.

Мне довелось сопровождать мистера Хипа в его первом пастырском визите в Хаурт после назначения бредфордским викарием. Это было на Пасху, то ли в 1816-м, то ли в 1817 году. Его предшественник, преподобный Джон Кросс, известный как «слепой викарий», относился к своим обязанностям нерадиво. Духовные власти решили провести дознание, и нам пришлось услышать немало сильных и крепких слов от опрашиваемых прихожан. Со стороны эта грубость могла показаться забавной, однако по ней

нетрудно было предвидеть то, что потом и произошло: по прибытии нового священника прихожане отнеслись к нему как к незваному гостю.

Прихожане ревностно и упорно отстаивали свои собственные интересы и решительно воспротивились новому налогу на содержание церкви. Хотя главная церковь прихода была в десяти милях от деревни, их обязали выплачивать немалую часть ее содержания – по-моему, одну пятую. Кроме этого, они должны были заботиться о собственной церковке и т. д. и т. п. В результате жители энергично выступили против того, что посчитали насилием и несправедливостью.

Они спустились со своих холмов и посетили собрание прихожан в Бредфорде, не преминув показать там, что *suaviter in modo* свойственно им куда меньше, чем *fortiter in re*³⁶. К счастью, в дальнейшем поводы для подобных действий больше не возникали в течение многих лет.

В этих местах было принято использовать отчества. Попробуйте найти человека, не назвав его по отчеству, и местные жители вам, скорее всего, не помогут. Но спросите «Джорджа Недовича», «Дика Бобовича» или «Тома Джековича», и человек отыщется. Часто к этому прибавляется еще и место жительства. Помню, в юности мне пришлось разыскивать Джонатана Уитекера, владельца немаленькой фермы в деревне. Меня отсылали от одного дома к другому, пока я не догадался спросить про «Джонатана, который у ворот», и все трудности исчезли. Подобные странности происходят от прикрепленности к одному месту и отсутствию контактов с другими людьми.

Если жених и невеста на хауртской свадьбе происходят из зажиточных семейств, то гости несомненно забудут это событие. Со всей округи собирают лошадей, и веселая кавалькада всадников и всадниц, одиночных и двойных упряжек направляется к бредфордской церкви. Происходит постоянное перемещение публики от церкви к трактиру, и, поскольку интересы трезвости не всегда соблюдаются, находится занятие и членам Общества трезвости. Собравшиеся взгромождаются на лошадей, чтобы устроить скачки, и зачастую нетрезвые всадники или всадницы не достигают финиша, тем более что такие соревнования, завершающие свадьбу, часто проходят на дистанции от моста до хауртского шлагбаума на большой дороге, то есть на пути совсем непологом.

Вот в эту-то среду не знающих закона, хотя и не лишенных добродушия людей в феврале 1820 года мистер Бронте привез свою жену и шестерых маленьких детей. До сих пор живы те, кто помнит семь тяжело нагруженных повозок, с трудом поднимавшихся по плитам длинной улицы. Повозки везли имущество «нового пастора», которое предстояло разместить в его жилище.

Можно только догадываться, какое впечатление незавидный вид пастората – низкого продолговатого каменного дома, стоящего высоко на вершине, но все равно ниже бескрайних вересковых пустошей, – оказал на нежную душу супруги мистера Бронте, чье здоровье уже тогда начинало угасать.

³⁶ *Fortiter in re, suaviter in modo*. – По существу дела – твердо, по способам – мягко (*лат.*). Сокращенная цитата из сочинения генерала ордена иезуитов Клаудио Аквавивы (1543–1615) «Наставление к излечению болезней души»: «*Fortes in fine assequendo et suaves in modo assequendi simus*» («Будем тверды в достижении цели и мягки в способах ее достижения»).

Глава 3

Преподобный Патрик Бронте – уроженец графства Даун в Ирландии. Его отец Хью Бронте осиротел в очень раннем возрасте. Он перебрался с юга острова на север и поселился в приходе Ахадерг, вблизи Лоуфбрикланда. Хотя Хью и был человеком очень скромного достатка, он принадлежал к семейству, имевшему давние традиции. Рано женившись, он сумел вырастить и воспитать десятерых детей на доходы от крошечного клочка земли, который возделывал своими руками. Все его потомство отличалось завидной физической силой и редкой красотой. Даже сейчас, в старости, мистер Бронте прекрасно выглядит: это человек выше среднего роста, у него благородное лицо и прямая осанка. В юные годы он, вероятно, был удивительно красив.

Он родился в День святого Патрика (17 марта) 177 года и очень рано проявил необыкновенную самостоятельность и редкую сообразительность. Кроме того, молодой человек был весьма амбициозен. О его рассудительности и предусмотрительности свидетельствует то, что уже в возрасте шестнадцати лет, понимая, что отец не сможет поддерживать его финансово, Патрик открыл собственную общедоступную школу и в течение пяти или шести лет продолжал ею заниматься. Затем он стал домашним учителем в семье преподобного мистера Тая, настоятеля драмгулендского прихода. После этого поступил в Сент-Джон-колледж в Кембридже – это произошло в июле 1802 года, когда Патрику исполнилось уже двадцать пять лет от роду. После четырех лет учебы он получил степень бакалавра, был посвящен в духовный сан и направлен в приход в Эссексе, откуда впоследствии переехал в Йоркшир. Тот жизненный путь, который описывает это краткое перечисление событий, мистер Бронте, отличающийся сильным и незаурядным характером, прошел с присущей ему решительностью и независимостью. Подумайте, что этот мальчик, шестнадцатилетний юнонец, решил уйти из семьи и добывать средства к существованию самостоятельно, причем не сельским хозяйством, как было принято в семье, а собственным умом.

Я слышала, что мистера Тая чрезвычайно заинтересовал учитель его детей и потому он решил не только помочь юноше выбрать область занятий, но дал совет получить образование в английском университете и подсказал, каким образом в него поступить. Сейчас в речи мистера Бронте нет и следа ирландского акцента; кельтское происхождение не заметно и в его внешности – прямом греческом носе и вытянутом овале лица. Однако можно себе представить, какую силу воли и презрение к насмешкам должен был проявить ирландец, никогда не выезжавший за пределы родных мест, чтобы в возрасте двадцати пяти лет постучаться в ворота Сент-Джон-колледжа.

Еще будучи студентом Кембриджа, он вступил в ополчение, которое в то время собирали по всей стране для того, чтобы противостоять ожидавшемуся французскому вторжению³⁷. Позднее в нашем с ним разговоре мистер Бронте упоминал лорда Пальмерстона³⁸ как человека, который был для него в те годы образцом воинского долга и на которого он хотел походить.

Итак, мы застаем его уже приходским священником в Хартсхеде, в Йоркшире, – весьма далеко от родных мест и ирландских знакомых. Я полагаю, что мистер Бронте не слишком старался поддерживать с ними связи и, насколько мне известно, начиная с кембриджских времен ни разу не навестил родные места.

³⁷ В 1803–1805 гг. Наполеон собирал военные силы в Булони с намерением вторгнуться в Англию; эта угроза была ликвидирована после победы адмирала Нельсона при Трафальгаре.

³⁸ *Пальмерстон* (лорд Генри Джордж Темпл, 1784–1865) – английский государственный деятель, в 1855–1858 и 1859–1865 гг. премьер-министр. Учился в Сент-Джон-колледже одновременно с П. Бронте; в 1803 г. вступил в ополчение, став одним из трех офицеров военной части добровольцев колледжа.

Хартсхед – маленькая деревушка, расположенная восточнее Хаддерсфилда и Галифакса. Она находится на холме, окруженном округлой чашей других холмов, и потому из нее открывается весьма величественный вид. Мистер Бронте прожил там пять лет и именно там, в Хартсхеде, женился на Марии Брэнвелл.

Она была третьей дочерью купца Томаса Брэнвелла из Пензанса. Девичья фамилия ее матери была Карн. Как с отцовской, так и с материнской стороны семейство Брэнвелл было достаточно почтенного происхождения и принадлежало к лучшему обществу тогдашнего Пензанса. Мистеру и миссис Брэнвелл и их детям – четверем дочерям и одному сыну – довелось жить в том старомодном мире, который так хорошо изобразил доктор Дэви в жизнеописании своего брата³⁹.

В этом городе, насчитывавшем тогда около двух тысяч жителей, имелся всего один ковер (полы в комнатах посыпали морским песком) и не было ни одной серебряной вилки.

В те времена наши колониальные владения были еще совсем невелики, армия и флот – немногочисленны, и потому в отсутствие большого запроса на умственный труд младшим отпрыскам благородных семейств часто приходилось заниматься торговлей или ремеслами, и в этом не видели никакого унижения для их дворянского достоинства. Если родители не хотели, чтобы старший сын стал сквайром-бездельником, они посылали его в Оксфорд или Кембридж, чтобы он приобрел там знания и навыки, необходимые для занятий одной из трех свободных наук – богословием, юриспруденцией или физикой. Второй сын мог поступить в ученики к врачу, аптекарю или стряпчему. Третьего отправляли учиться у жестянщика или часовщика, четвертого – к упаковщику или торговцу тканями, и так далее, – всем, до последнего, хватало занятий.

После того как молодой человек заканчивал учение, он почти всегда направлялся в Лондон, чтобы усовершенствоваться в своем ремесле или искусстве. А по возвращении в деревню брался за работу и при этом отнюдь не был исключен из того, что мы теперь назвали бы светским обществом. Визиты тогда совершались совсем не так, как в наше время. Гостей на обед не приглашали, разве что во время крупных праздников. Рождество, правда, и тогда было временем веселья и потворства своим желанием, в это время дозволялись определенные развлечения, но они состояли в основном из званых чаепитий и ужинов. В другое время визиты ограничивались приглашениями на чаепития, которые начинались в три часа и продолжались до девяти вечера, и главным развлечением на них были карточные игры, такие как «Папесса Иоанна» или «Коммерция». Простолюдины были в то время весьма малообразованны, однако и представители высших классов отличались суеверностью: сохранялась даже вера в ведьм, и нельзя было найти человека, который совсем не верил бы в духов и монстров. Едва ли нашелся бы хоть один приход в Маунтс-Бей, где не было бы дома с привидениями и нельзя было бы указать на карте место, не связанное с чем-нибудь ужасным и сверхъестественным. С детства я помню дом на лучшей улице Пензанса, стоявший пустым, потому что в нем, по общему мнению, водились привидения. Проходя мимо него вечером, молодые люди ускоряли шаг и чувствовали сердцебиение. Средний класс и высшее общество не

---

³⁹ Дэви Джон (1790–1868) – английский врач и химик, издал сочинения и составил жизнеописание своего брата, знаменитого химика сэра Гемфри Дэви (1778–1829), детство которого прошло в портовом городе Пензансе, в Корнуолле.

уделяли внимания ни литературе, ни тем более науке, и их интересы редко можно было назвать умственными и благородными. Охота, борьба, петушинные бои, после которых все собирались на пирушке, – вот занятия, приносившие здесь наибольшее удовольствие. Многие зарабатывали контрабандой, и это естественным образом способствовало распространению пьянства и нечестия. Контрабанда служила для отчаянных авантюристов средством приобрести состояние, а пьянство и разгул, случалось, разрушали самые респектабельные семейства.

Я привела эти отрывки из сочинения доктора Дэви, поскольку, как мне кажется, они имеют некоторое отношение к жизни мисс Бронте, разум и воображение которой получили свои первые впечатления либо от слуг (в патриархальном доме слуги, как правило, считались равными хозяевами и вели себя соответственно), привносивших в дом деревенские обычаи и новости, либо от мистера Бронте, чье общение с детьми было, насколько я знаю, весьма ограниченным, либо от тетушки, мисс Брэнвелл, которая приехала в пасторский дом, чтобы взять на себя заботу о детях умершей сестры, когда Шарлотте исполнилось шесть или семь лет от роду. Тетушка была старше миссис Бронте и долго жила в том самом обществе жителей Пензанса, которое описывает доктор Дэви. Однако в семействе Брэнвелл не было в чести ни насилие, ни беззаконие. Они принадлежали к методистской церкви и, как утверждают их знакомые, были искренне верующими людьми, отличавшимися чистотой и тонкостью чувств. Мистер Брэнвелл, отец семейства, по рассказам его потомков, обладал музыкальным талантом. И он, и его жена дожили до того времени, когда их дети стали взрослыми. Супруги умерли с разницей в один год: он в 1808-м, а она – в 1809 году, когда их дочери Марии было около двадцати пяти лет.

Мне разрешили прочесть девять ее писем, адресованных мистеру Бронте и относящихся к тому короткому промежутку времени в 1812 году, когда они были помолвлены. Эти послания полны самых нежных и изящных выражений и отличаются девичьей скромностью. В них сквозит та глубокая набожность, о которой я уже упоминала как о семейной черте Брэнвеллов. Позволю себе привести небольшие отрывки из них, чтобы показать, какой была мать Шарлотты Бронте. Однако, прежде чем это сделать, надо рассказать об обстоятельствах, при которых эта корнуольская леди встретила школяра из прихода Ахадерг, близ Лоуфбрикленда. В начале лета 1812 года, незадолго до своего 29-летия, она поехала навестить дядю, преподобного Джона Феннела, священника англиканской церкви, жившего вблизи Лидса. Надо заметить, что, прежде чем стать англиканином, он был методистским пастором. Мистер Бронте уже служил настоятелем в Хартсхеде и имел среди соседей репутацию весьма красивого молодого человека, обладавшего к тому же присущей ирландцам способностью легко влюбляться. Мисс Брэнвелл была очень маленького роста и не отличалась яркой красотой. Однако она была весьма элегантна и одевалась всегда с простотой и вкусом, которые шли к ее характеру, – этими качествами ее дочь наделяла своих любимых героинь. Мистер Бронте вскоре оказался покорен нежным хрупким созданием и объявил, что сохранит свое чувство на всю жизнь. В первом письме к нему, датированном 26 августа, мисс Брэнвелл словно бы удивляется тому обстоятельству, что она обручена, и напоминает, сколь коротким было их знакомство. Чувства ее напоминают переживания Джульетты:

Но верь мне, друг, – и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет⁴⁰.

⁴⁰ У. Шекспир. «Ромео и Джульетта» (д. 1, сц. 2), перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Они строят планы поездки на пикник в Киркстольское аббатство в прекрасные сентябрьские деньки, когда «дядя, тетушка и кузина Джейн» – последняя была помолвлена с мистером Морганом, еще одним священником, – смогли бы принять участие в прогулке. Всех их, кроме мистера Бронте, сейчас уже нет в живых. Против будущего брака не возражал никто из близких мисс Брэнвелл. Мистер и миссис Феннел благословили его, и братья и сестры невесты в далеком Пензансе также полностью его одобрили. В письме, датированном 18 сентября, Мария пишет:

В течение нескольких лет я была полновластной хозяйкой самой себе, мною никто не командовал. Более того, мои сестры, которые гораздо старше меня, и даже моя дорогая матушка обычно советовались со мной по каждому важному поводу и никогда не выражали сомнений в уместности моих мнений и поступков. Возможно, Вы обвините меня в суетности за то, что я пишу об этом, но Вы должны принять во внимание, что я совсем не хвастаю. Много раз я находила это неудобным. И хотя, слава Богу, я не впала в греховное заблуждение, однако мне приходилось многократно сожалеть, что в трудных обстоятельствах у меня нет наставника и учителя.

В том же письме она рассказывает мистеру Бронте, что объявила сестрам о помолвке и что ей не следует в ближайшее время снова встречаться с ними, как она планировала раньше. Мистер Феннел, ее дядя, также написал им с той же почтой и с похвалой отозвался о мистере Бронте.

Поездка из Пензанса в Лидс в те дни была долгой и весьма дорогостоящей, а влюбленные не располагали лишними деньгами на путешествия, которых можно было избежать. Поскольку родителей мисс Брэнвелл уже не было в живых, молодые договорились о том, что свадьба состоится в доме дядюшки невесты. Долго откладывать помолвку не имело смысла. Они уже давно вышли из юного возраста и имели достаточно средств для удовлетворения своих скромных нужд. Приход в Хартсхеде приносил 202 фунта в год, а мисс Брэнвелл отец оставил наследство, дававшее небольшую ренту (50 фунтов, насколько мне известно). В конце сентября жених с невестой начали обсуждать покупку собственного дома: мистер Бронте, надо полагать, довольствовался до того времени съемным жильем. Дело гладко и беспрепятственно шло к свадьбе, которая должна была состояться зимой, как вдруг в ноябре случилось несчастье, о чем Мария пишет с присущим ей смирением.

Полагаю, Вы не рассчитывали разбогатеть, женившись на мне, но я с прискорбием должна сообщить, что стала еще беднее, чем раньше. Я писала Вам о том, что выслала свои книги, одежду и прочее. В субботу вечером, как раз тогда, когда Вы сидели за описанием своего воображаемого кораблекрушения, я прочитала письмо, где сообщалось о кораблекрушении настоящем. Сестра написала мне, что судно, на котором она отправила мой сундук, было выброшено на берег в Девоншире, вследствие чего сундук был разбит на части яростью стихии и все мои пожитки, если не считать нескольких вещей, поглотила бездна. Если только это не предисловие к чему-то гораздо худшему, о чем я и не думала, то надо признать, что это первое несчастье, случившееся со мной с тех пор, как я покинула родной дом.

Последнее из писем датировано 5 декабря. Мисс Брэнвелл и ее кузина собираются появиться за свадебный торт на следующей неделе, и это значит, что свадьба не за горами. Невеста выучила наизусть «очень милый маленький гимн», сочиненный самим мистером Бронте⁴¹, и

---

⁴¹ Патрик Бронте ко времени своей женитьбы опубликовал два сборника моралистических стихотворений: «Стихи из хижины» (Cottage Poems, 1811) и «Сельский певец» (Rural Minstrel, 1813), впоследствии сочинил дидактические повести

читает «Совет леди» лорда Литтлтона⁴², причем уместные и верные суждения по поводу этой книги показывают, что она не только читает, но и думает о прочитанном. Затем Мария Брэнвелл исчезает из нашего поля зрения: ее живого слова мы больше не услышим. Мы узнаем о ней как о миссис Бронте – но уже смертельно больной, близкой к смерти. И в эти годы она остается терпеливой, неунывающей и набожной. Почерк ее писем весьма изящен. Те места, где она говорит о домашнем хозяйстве – о том же приготовлении свадебного торта, например, – содержат намеки на книги, которые она прочитала или читает, и показывают весьма развитый ум. Не имея такого редкого таланта, которым будет обладать ее дочь, миссис Бронте тем не менее была, как мне кажется, необычной женщиной, отличавшейся спокойствием и постоянством характера. Стиль ее писем легок и ясен, и то же можно сказать о другом сохранившемся документе, написанном ее рукой и озаглавленном «Преимущества бедности в религиозном отношении». По-видимому, эта статья писалась гораздо позже и предназначалась для публикации в каком-то журнале.

Свадьба состоялась в йоркширском доме дядюшки 29 декабря 1812 года, в тот самый день, когда в далеком Пензансе выходила замуж ее сестра Шарлотта Брэнвелл. Вряд ли миссис Бронте когда-либо вновь посетила Корнуолл, но у корнуолльцев остались очень приятные воспоминания о «любимой тетушке», к которой «все семейство относилось как к особе талантливой и доброжелательной» и в то же время «кроткой, скромной, хотя и обладавшей весьма неординарными дарованиями, унаследованными ею от отца; притом благочестие ее было искренним и ненавязчивым».

В течение пяти лет мистер Бронте занимал место в Хартсхеде, принадлежащем к приходу Дьюсбери. Там он женился, там родились его старшие дети – Мария и Элизабет. По истечении пятилетнего срока он переехал в Торнтон, бредфордского прихода. Надо сказать, что некоторые из больших уэст-райдингских приходов по количеству населения и церковью не уступают епархиям. Однако торнтонская церковь – это небольшая епископальная часовня, находящаяся вдали от главной приходской церкви. В ней сохранилось много надгробных плит диссентеров, например Аксептида Листера и его друга доктора Холла⁴³. Городок выглядит полузаброшенным, со множеством пустырей, он окружен каменными валами, за которыми виднеются Клейтонские высоты. Сама церковь кажется древней и одинокой, словно забытой среди больших каменных фабрик, принадлежащих конгрегационалистам; она теряется на фоне основательной квадратной церкви, находящейся в распоряжении той же конфессии. Это место не так приятно на вид, как Хартсхед, когда смотришь сверху на его испещренную солнечными пятнами, прорезавшимися сквозь облачное небо, долину и на холмы, длинной чередой уходящие к горизонту.

Здесь, в Торнтоне, 21 апреля 1816 года и родилась Шарлотта Бронте. Вслед за ней появились на свет Патрик Брэнвелл, Эмили Джейн и Энн. После рождения последней дочери миссис Бронте совсем занемогла. Очень трудно заботиться о множестве маленьких детей, когда твои силы на исходе. Обеспечиваешь их едой и одеждой, но уже не можешь дать им не менее необходимые внимание, заботу, утешение, развлечение и сочувствие. Старшей из шестерых детей, Марии, едва исполнилось шесть лет, когда мистер Бронте решил переехать в Хаурт. Это произошло 25 февраля 1820 года. Те, кто знал эту девочку тогда, описывают ее как серьезную, задумчивую и не по годам спокойную. В детстве Мария была лишена детства. Впрочем, редко бывает так, чтобы люди, обладающие большими талантами, оказывались счастливы в детские годы: в душе у них кипят страсти, и вместо того чтобы воспринимать окружающее объективно

«Хижина в лесу» (Cottage in the Wood, 1815) и «Девушка из Килларни» (Maid of Killarney, 1818). Кроме того, он в течение всей жизни писал по религиозным и социальным вопросам в местные газеты.

⁴² Книга барона Джорджа Литтлтона «Совет леди» (Advice to a Lady, 1733) представляла собой типичную для XVIII в. воспитательную литературу для девиц.

⁴³ Листер Аксептид (1627–1709) – неконформистский священник в Торнтоне, Бингли и Киппинге. Доктор Холл (годы жизни неизвестны) – врач в Киппинге, прихожанин Листера.

(как называют это немцы), они начинают размышлять и жить внутренней, субъективной жизнью.

Маленькая Мария Бронте была небольшого роста и деликатного сложения, что, по-видимому, сыграло не последнюю роль в ее столь раннем развитии. Она, по всей вероятности, много помогала матери по дому и нянчила младших детей, поскольку мистер Бронте, разумеется, постоянно занимался разными делами у себя в кабинете. Кроме того, по складу характера он не очень тяготел к детям и считал, что их частое появление подрывает силы его жены и делает жизнь в доме менее удобной.

Пасторат в Хаурте, как я уже писала, представляет собой длинный каменный дом, стоящий, как и вся деревня, на холме. Его крыльцо расположено как раз напротив западных дверей церкви, и расстояние между двумя постройками – не более ста ярдов. Двадцать из них занимает садик, едва ли превышающий шириной пасторское жилище. Кладбище окружает дом и сад со всех сторон, кроме одной. Дом двухэтажный, на каждом этаже по четыре комнаты. Когда в нем поселились Бронте, они расширили гостиную, находящуюся слева от входа, чтобы в ней могла собираться вся семья. Комната же справа от входа стала служить кабинетом мистеру Бронте. За этой комнатой находилась кухня, а за гостиной – кладовая, где пол выложен каменными плитами. Наверху располагались четыре спальни одинакового размера, а также маленькое помещение над лестницей, которое у нас на севере называют «лобби». Окно этой комнатки выходило на фасад, и лестница вела наверх, начинаясь прямо от входа. У каждого окна в доме были чудесные старомодные сиденья. Пасторат строили в то время, когда не было недостатка в дереве, – об этом можно догадаться, глядя на массивные балясины лестничных перил, на деревянные стенные панели и на крепкие оконные рамы.

Сверхштатная комнатка наверху была отдана детям. Несмотря на свои крошечные размеры, она не называлась детской. К числу ее достоинств относился камин. Две сестры-служанки – грубоватые, но весьма сердечные девицы, которые до сих пор не могут вспоминать своих хозяев без слез, – называли эту комнату «детский класс». Однако возраст самой старшей ученицы, занимавшейся в этом классе, не превышал в то время семи лет.

Нельзя сказать, что жители Хаурты были совсем бедны. Одни из них работали на соседних ткацких фабриках, другие сами держали маленькие мастерские или мануфактуры, у третьих были мелочные лавочки. Однако за медицинской помощью, канцелярскими принадлежностями, книгами, юридическим советом, одеждой, деликатесами – за всем этим приходилось ездить в Китли. В истории деревни было несколько воскресных школ, устроенных баптистами. За ними явились методисты – последователи Уэсли, а последней в Хаурте появилась англиканская церковь. Славный мистер Гримшоу, приятель Уэсли, построил скромную методистскую часовню, но она оказалась слишком близко к дороге, ведущей на вересковые пустоши. Баптисты тоже возвели свой молебельный дом, который выгодно отличался тем, что стоял подальше от большой дороги. Глядя на эти сооружения, методисты подумывали, что и им следует возвести церковь – побольше, повыше и еще дальше от дороги. Мистер Бронте всегда относился терпимо к любой конфессии, однако и он, и его семейство сторонились жителей деревни, придерживавшихся иной веры, чем они сами, и вступали с ними в общение только в случае какой-нибудь просьбы. «Они всегда были вместе», – вспоминают о мистере и миссис Бронте те, кто еще помнит их приезд. Я полагаю, что многим йоркширцам не нравился обычай, следуя которому священник наносил пасторские визиты в дома прихожан. Природная независимость заставляла их возмущаться самой мыслью о том, что некто имеет право по долгу службы расспрашивать, советовать или предостерегать их. В них был еще жив тот вольный дух, который отразился в стихотворении, написанном на скамье в южной стене алтарной части церкви Уэллийского аббатства, расположенного в нескольких милях от Хаурты:

Кто жить другим спокойно не дает,

Пусть лучше дома гуся подкует.

Я спросила одного человека, жившего неподалеку от Хауорта, что за человек священник той церкви, которую он посещает. «На редкость славный малый, – ответил тот. – Он занимается только своими делами и никогда не беспокоит себя нашими».

Мистер Бронте исправно посещал больных, всегда откликался на зов, навещал школы. Так же поступала и его дочь Шарлотта. Однако, весьма высоко ценя собственную независимость, они бывали, пожалуй, чересчур деликатны в тех случаях, когда следовало вмешаться в чужую жизнь.

С самого начала своего пребывания в Хауорте члены семейства Бронте предпочитали выбирать для прогулок те тропинки, которые вели на вересковые пустоши, начинавшиеся на холмах выше пасторского дома, а не те, которые вели вниз, к деревенской улице. Добрая старушка, заботившаяся о миссис Бронте, когда та всего через несколько месяцев после приезда сюда уже угасала от рака, рассказывала мне, что в то время шесть крошек, бывало, выходили погулять, держась за руки, и направлялись прямо к знаменитым пустошам, которые страстно полюбили, причем старшие трогательно заботились о самых маленьких.

Все они были не по годам серьезны и молчаливы. Возможно, их угнетала страшная болезнь, поселившаяся в доме. В то время, о котором рассказывала моя собеседница, миссис Бронте была уже прикована к постели и все время оставалась в спальне, откуда ей уже не суждено было выйти. «Вы и не догадались бы, что в доме есть дети, – такие они все были тихие, такие бесшумные крошки. Мария, бывало, запрется в детской – а ей ведь было только семь лет! – и молча сидит с газетой, а потом, как выйдет, все-то расскажет – и про споры в парламенте, и я уж не знаю про что еще. А к братикам и сестренкам она относилась совсем как родная мать. Нет, нигде вы таких чудесных детей не сыщете! Мне прямо казалось, что в них жизни нет, так не похожи они были на других детей, которых я когда-либо видела. Это, я думаю, все оттого, что мистеру Бронте пришла фантазия запретить им есть мясо. Не от бедности – в доме-то всего хватало, даже тратили зря, без хозяйки-то и при молодых служанках, – а ради спасения души. Он, мистер Бронте, считал, что детей надо воспитывать в простоте и не давать потачки. Вот они и ели одну картошку на ужин⁴⁴. Но ни разу я не слышала, чтобы они пожелали что-нибудь еще. Нет, они были очень славные детки. А Эмили была самая хорошенькая».

Миссис Бронте оставалась такой же, как и раньше, – терпеливой и приветливой, несмотря на страшные боли. Она редко позволяла себе жаловаться. Когда ей становилось полегче, она просила сиделку приподнять ее на кровати, чтобы посмотреть, как та чистит каминную решетку: «потому что та делала это так, как принято в Корнуолле». Она продолжала нежно любить своего мужа, который отвечал ей полной взаимностью, и никогда не заставляла никого сидеть с собой по ночам. Как рассказывает моя собеседница, миссис Бронте нечасто звала к себе детей. По-видимому, она думала о том, что скоро они останутся сиротами, и потому любая встреча с ними слишком волновала ее. Бедным крошкам приходилось теснее жаться друг к другу: их отец всегда был занят чем-то у себя в кабинете или в церкви либо сидел с их матерью, и они даже за обедом были предоставлены самим себе. Они читали вслух тихим шепотом у себя в детской или, взявшись за руки, бродили по окрестным холмам.

Педагогические идеи Руссо и мистера Дэй⁴⁵ к тому времени получили широкое распространение и проникли в различные слои общества. Как мне кажется, именно у этих теорети-

---

⁴⁴ Не соответствующее действительности заявление о том, что Патрик Бронте заставлял домочадцев не есть мяса, а также обвинение в расточительности, против которого возражали бывшие служанки Нэнси и Сара Гэррс, были изъяты из третьего издания книги.

⁴⁵ *Дэй Томас* (1748–1789) – британский писатель и педагог, противник рабства, автор одной из первых детских книг «История Сэндфорда и Мёртона» (*History of Sandford and Merton*, 1783–1789), в которой проповедовались руссоистские педагогические идеи.

ков мистер Бронте почерпнул некоторые идеи по части воспитания детей. Однако его педагогика вовсе не кажется дикой по сравнению с той, которую довелось испытать на себе моей тетушке, – ее воспитывал один из последователей мистера Дэй. Примерно за четверть века до того времени, о котором здесь рассказывается, этот джентльмен и его супруга удочерили мою тетушку, и она выросла у них в доме. Люди они были зажиточные и добросердечные, но принципы спартанского воспитания заставляли их держать свою воспитанницу в черном теле. Девочка здоровая и веселая, она не слишком расстраивалась из-за ограничений в еде и платьях, однако было одно правило, установленное приемными родителями, которое причиняло ей боль. У семейства была карета, и в ней девочку и любимую собачку вывозили подышать свежим воздухом, однако в разные дни. То из двух живых существ, которому в определенный день было суждено оставаться дома, заворачивали в одеяло – именно этой операции моя тетушка особенно боялась. Ее боязнь, по всей видимости, и послужила причиной того, что взрослые так на этом настаивали. Прежде они обряжались привидениями, чтобы отучить девочку бояться. Теперь привидения ее уже не пугали, и потому для дальнейшего укрепления ее нервов настало время упражнения с одеялом. Хорошо известно, что мистер Дэй отказался от своего намерения жениться на Сабрине – девушке, которую он специально для этого образовывал, – потому что за несколько дней до свадьбы уличил ее во фривольности: она отправилась в гости, надев платье с тонкими рукавами. И мистер Дэй, и приемные родители моей тетушки были людьми весьма благонамеренными, но слишком убежденными в том, что с помощью подобной системы можно образовать дерзкое и простодушное дитя природы, и не принимали во внимание того, что воспитанные таким образом чувства и привычки приведут в будущем к ужасному одиночеству, когда их воспитаннику придется жить среди всех пороков и удовольствий цивилизованного общества.

Мистер Бронте хотел закалить характеры своих детей и сделать их равнодушными к удовольствиям, которые люди получают от еды и одежды. В последнем он преуспел, по крайней мере по отношению к своим дочерям, однако цели он добивался слишком уж беспощадно. Сиделка миссис Бронте рассказала мне, как однажды, когда дети отправились на прогулку по пустошам, пошел дождь и она, опасаясь, что они наверняка промочат ноги, вытащила расписные ботиночки, подаренные родственником и другом дома мистером Морганом, мужем кухни Джейн. Сиделка расставила эту обувь вокруг очага в кухне, чтобы прогреть ее к приходу детей. Однако, когда дети вернулись в дом, ботинок на кухне не оказалось: от них остался только запах горелой кожи. Как выяснилось, мистер Бронте обнаружил эти красивые ботиночки и решил, что они могут пробудить в его детях суетную страсть к роскоши, а потому и побросал их в огонь. Он не щадил ничего, что нарушало любимую им спартанскую простоту. Незадолго до этого случая кто-то подарил миссис Бронте шелковый халат. Не знаю, что именно – покрой, цвет или материал – не соответствовало представлениям мистера Бронте о должном, но только его супруга ни разу не надела этот халат. Однако она хранила его в своем серванте, обычно закрытом на замок. Однажды, будучи в кухне, она вспомнила, что оставила ключ в замке, и, заслышав наверху шаги мистера Бронте, предсказала злую долю своему халату. Так и случилось: когда она прибежала наверх, то нашла от него только клочки.

Проявления сильного и страстного ирландского характера мистера Бронте обычно ограничивались непоколебимым стоицизмом, но все же иногда выражались в действиях, несмотря на всю его философскую сдержанность и чувство собственного достоинства. Если мистер Бронте был чем-то раздражен или разгневан, то ничего не говорил, но давал выход своей ярости, принимаясь палить из пистолетов на заднем дворе. Миссис Бронте, лежа в постели наверху, слышала эти быстрые и короткие хлопки и по ним узнавала, что сегодня что-то случилось. Однако ее мягкий характер всегда заставлял ее думать о лучшем, и поэтому она говорила: «Но разве не должна я быть благодарна за то, что он ни разу в жизни не сказал мне гневного слова?» В других случаях гнев супруга находил себе иные способы выражения, но всякий

раз не словесные. Как-то раз мистер Бронте взял коврик, лежавший перед камином, повесил его на каминную решетку, и тот загорелся. По комнате распространилось ужасное зловоние, но мистер Бронте был в комнате и смотрел, как тлеет коврик, пока тот не сморщился окончательно. В другой раз он схватил несколько стульев, отнес их на задний двор и пилил их там до тех пор, пока они не превратились в табуретки⁴⁶.

Он очень любил прогулки и мог бродить по вересковым пустошам по многу часов, примечая при этом особенности погоды и направление ветра, тщательно рассматривая все произведения живой природы, которые попадались ему на склонах холмов. Он наблюдал за орлами, летавшими низко над землей в поисках пищи для своих птенцов (в наши дни орлов в этих местах уже не увидишь). В политике он был бескомпромиссен и бесстрашно принимал ту сторону, которую считал правой. В дни восстания луддитов⁴⁷ он стоял за жесткое вмешательство закона – и это в то время, когда ни один судья не решался к нему прибегнуть, – и над всеми землевладельцами Уэст-Райдинга нависла страшная опасность. Фабричные рабочие невзлюбили мистера Бронте, и он решил, что длинные одинокие прогулки становятся небезопасны, если не брать с собой оружие. Поэтому мистер Бронте взял за правило (которого он придерживается и до сего дня) всегда иметь при себе заряженный пистолет. Это оружие он клал на свой туалетный столик рядом с карманными часами, вместе с ними забирал пистолет утром и вместе с ними клал обратно перед сном. Много лет спустя, когда он уже жил в Хауорте, в окрестностях началась забастовка: рабочие сочли себя обиженными хозяевами и отказались выходить на работу. Мистер Бронте решил, что с рабочими обошлись несправедливо, и стал всеми доступными ему средствами помогать им «отгонять волка от дверей» и учил, как избавиться от бремени долга. Наиболее влиятельными жителями Хауорта являлись владельцы фабрик. Они были очень сильно настроены против священника, но мистер Бронте считал себя правым и продолжал настаивать на своем. Высказывания его часто казались дикими, принципы – странными и эксцентричными, взгляды на жизнь – пристрастными и почти мизантропическими. Но ничто в мире не смогло бы заставить его изменить свое мнение. Он поступал так, как считал должным. И если его отношение к человечеству в целом было не лишено мизантропии, то его обращение с отдельными людьми, являвшимися к нему с просьбами, вступало с этим в явное противоречие. Несомненно, он имел серьезные предрассудки, держался за них с необыкновенным упорством и, возможно, был недостаточно чувствителен, чтобы понять: жизнь, которую он ведет, делает несчастными окружающих. Я не пытаюсь смягчить черты его характера, а только рассказываю о них, желая привести их к единому и ясному целому. Семейство, о котором идет речь, простирает свои корни глубже, чем я могу проникнуть. Я не в силах измерить, а тем более судить о них. Странности отца упомянуты тут только потому, что они бесполезны для понимания характера и жизни его дочери.

Миссис Бронте умерла в сентябре 1821 года, и жизнь ее тихих детей, должно быть, стала еще более тихой и одинокой. Шарлотта впоследствии очень старалась припомнить свою мать, и ей удалось вызвать в памяти несколько образов. Первый из них – мать играет при вечернем освещении со своим маленьким сыном Патриком Брэнвеллом в гостиной хауортского пастората. Увы, воспоминания четырех– или пятилетнего ребенка не могут не быть отрывочными.

Мистер Бронте страдал расстройством желудка и потому был вынужден соблюдать строгую диету. Чтобы избежать соблазнов или же по медицинским соображениям, он еще до смерти жены начал обедать в одиночку и сохранил эту привычку на всю жизнь. Компания ему не требовалась, и он ее не искал ни во время прогулок, ни в повседневной жизни. Спокойная размеренность его распорядка дня нарушалась только появлением церковных старост или посетителей,

⁴⁶ По требованию Патрика Бронте из третьего издания книги были исключены описания некоторых его поступков (сжигание детских башмаков, разрывание халата жены и т. д.).

⁴⁷ *Восстание луддитов* (1811–1816) – выступления фабричных рабочих против распространения машин и оборудования, которые лишали их рабочих мест. Во время этого восстания развивается действие романа Ш. Бронте «Шерли» (1849).

приходивших по церковным делам. Иногда навевались и соседи – священники из ближних приходов. Путь их – по горам через вересковые пустоши и потом на Хауртский холм – был столь долог, что, дойдя до цели, они обычно решали провести здесь целый вечер. Надо заметить, жены священников никогда не сопровождали своих мужей в их визитах к мистеру Бронте, возможно, оттого, что миссис Бронте умерла вскоре после того, как ее муж получил здесь должность, а возможно, из-за дальних расстояний и малопривлекательной местности, которую надо было пересечь. Поэтому дочери хауртского пастора росли совершенно одни, лишенные того общества, которое соответствовало бы их возрасту, полу и положению. Было всего лишь одно семейство, неподалеку от Хаурта, члены которого проявили необыкновенное внимание и доброту к миссис Бронте во время ее болезни и продолжали оказывать внимание ее детям, иногда приглашая их на чай. Один случай, связанный с этим семейством, после чего общение прекратилось, произвел на Шарлотту очень сильное впечатление в раннем детстве. Этот случай может служить образчиком тех диких слухов, которые так легко распространяются в одиноко стоящих деревнях. Я не ручаюсь за точность деталей, и еще менее могла бы поручиться за них Шарлотта, поскольку событие относится к тем временам, когда она была слишком мала, чтобы понимать его значение. К тому же вся история, надо полагать, рассказывалась шепотом, с теми дополнениями и преувеличениями, которые свойственны людям необразованным. Упомянутое выше семейство принадлежало к диссентерской церкви и ревностно следовало этой вере. Глава семьи владел шерстяной мануфактурой и был сравнительно богат. В любом случае тот образ жизни, который он вел, казался «роскошным» простодушным детям Бронте, научившимся различать богатство и бедность в скромной и экономной обстановке пасторского дома. У соседского семейства была теплица, единственная во всей округе, – громоздкое сооружение, построенное из дерева и стекла. Теплица располагалась в саду, который отделялся от дома большой дорогой, ведущей в Хаурт. Семейство было большое, и одна из старших дочерей вышла замуж за богатого фабриканта, жившего «за Китли». Ей вскоре предстояло сделаться матерью, и она попросила любимую младшую сестру приехать к ней в гости и побыть с ней до тех пор, пока не появится малыш. Предложение было принято, и молоденькая девушка пятнадцати или шестнадцати лет отправилась к сестре. Домой она вернулась совершенно больная и павшая духом – так подействовали на нее несколько недель, проведенные в доме зятя. Домашние приступили к ней с расспросами, и выяснилось, что она была соблазнена богатым мужем своей сестры. Последствия этого греха не замедлили сказаться. Отец семейства, вне себя от гнева, запер дочь в ее комнате до той поры, пока он не решит, как следует поступить. Старшие сестры глумились над бедняжкой и проклинали ее. Только мать, которая была не столь сурова, как остальные, жалилась над своей дочерью. Проходившие по большой хауртской дороге по вечерам видели, как мать с дочерью, плача, прогуливаются в саду уже после того, как все в доме легли спать. Более того, ходили слухи, и их мне пересказывала мисс Бронте, что мать с дочерью продолжают гулять и плакать в этом саду, хотя обе уже давно покоятся в могилах. Ходили и еще более дикие слухи, будто бы жестокий отец, сошедший с ума от бесчестия, свалившегося на его благонравное и религиозное семейство, предложил значительную сумму денег всякому, кто согласится жениться на его несчастной падшей дочери. Такой жених нашелся, он увез ее из Хаурта и довел жестоким обращением до того, что она умерла в совсем юном возрасте.

Столь глубокое чувство обиды кажется весьма естественным в человеке, отличающемся гордой суровостью и придерживающемся строгих принципов религиозной морали. Однако в конечном счете все семейство выродилось. Оставшиеся его члены, в том числе и старшие дочери, продолжали посещать дом своего богатого зятя, словно его прегрешение не превышало во много раз заблуждение несчастной юной девушки, в котором она столь горько раскаивалась. Деревенские жители до сих пор считают, что над потомками этого рода тяготеет проклятие: либо у них плохо идут дела, либо они страдают от болезней.

Таков был единственный дом, который дети Бронте посещали, да и эти визиты очень скоро закончились.

Однако дети и не нуждались в постороннем обществе. Они не были привычны к ребячьим играм и веселью. Едва ли найдется в мире семья, члены которой были бы столь нежно привязаны друг к другу. Мария читала газеты и сообщала почерпнутые из них сведения младшим сестрам, а те слушали с неослабевающим интересом. Я подозреваю, что у них вовсе не было «детских книг» и что они жадно «паслись, никем не потревоженные, на широком пастбище английской литературы», – как выразился Чарльз Лэм⁴⁸. Слуг в доме не раз поражала необыкновенная сообразительность маленьких Бронте. Сам мистер Бронте в письме ко мне, посвященном этому вопросу, пишет так: «Служанки часто говорили, что никогда не видывали столь умного ребенка (как Шарлотта) и что им приходится в ее присутствии всегда быть настороже, следя за тем, что они делают и говорят. Однако при этом они всегда ладили с Шарлоттой».

Эти служанки живы до сих пор: сейчас это старушки, живущие в Бредфорде. Они сохранили благодарные и глубокие воспоминания о Шарлотте и с неизменной теплотой говорят о тех временах, «когда она была еще совсем крошкой». Вспоминают, что она никак не могла успокоиться, пока не добилась того, чтобы старую, уже неиспользуемую колыбельку отдали из пасторского дома в дом родителей одной из служанок, где она могла пригодиться ее новорожденной сестренке. Рассказывают о множестве добрых дел, которые Шарлотта совершала начиная с ранних лет и до последних дней жизни. Одна из служанок, хотя и оставила место в пасторском доме много лет назад, ездила из Бредфорда в Хаурт, чтобы навестить мистера Бронте и выразить ему свои искренние соболезнования после кончины последней дочери. Возможно, далеко не многие любили семейство Бронте, но эти немногие любили их глубоко и долго.

Вернемся, однако, к письму мистера Бронте. Вот что он пишет.

Когда дети были еще совсем маленькими и только что научились читать и писать, Шарлотта с братом и сестрами разыгрывала пьески собственного сочинения, в которых главным героем-завоевателем выступал герцог Веллингтон – герой Шарлотты. Частенько среди них возникал спор о сравнительных достоинствах герцога, Буонапарте, Ганнибала и Цезаря. Когда страсти накалялись донельзя, то мне (их мать к тому времени уже умерла) приходилось выступать в качестве арбитра и по мере сил успокаивать их. Я частенько задумывался среди этих забот о том, что в них можно заметить искры таланта, который мне никогда не доводилось видеть в детях их возраста... В этой связи мне на память приходит один случай, о котором стоит рассказать. Когда дети были еще очень малы – насколько я могу припомнить, старшей было лет десять, а младшей около четырех, – я подумал, что они знают гораздо больше, чем я подозреваю, однако стесняются говорить. Я стал думать, как сделать их менее застенчивыми, и решил, что этого можно добиться, если дать им возможность скрыть лица. Оказалось, в доме хранится одна маска. Я вручил ее детям и велел по очереди смело отвечать на мои вопросы, прикрывшись ею.

Начал я с самой младшей – Энн, впоследствии писавшей под псевдонимом Эктон Белл. Я спросил, чего же хочет больше всего дитя в ее возрасте? Ответ был таков: «Вырасти и узнать жизнь». Потом я спросил следующую по возрасту – Эмили (впоследствии Эллис Белл), как мне быть с ее братом Брэнвеллом, который плохо себя вел? Она ответила: «Поговорите с ним разумно, а если он не послушается разума, то выпорите его». Я спросил

⁴⁸ Лэм Чарльз (1775–1834) – английский поэт-романтик и эссеист.

Брэнвелла, как лучше узнать разницу в мышлении мужчин и женщин, и он ответил: «Надо сравнить разницу в их телах». Затем я спросил Шарлотту, какая книга лучшая в мире? Она ответила: «Библия». – «А какая следует за ней?» – спросил я. «Книга природы», – ответила Шарлотта. Затем я спросил, какой вид учения больше всего подходит женщине? Она ответила: «Который заставит ее быть наилучшей хозяйкой в доме». Напоследок я спросил старшую, как наилучшим образом проводить время? Ответ был такой: «Потратить его на приготовление к счастливой вечной жизни». Может быть, я не совсем точно передаю их слова, но и не сильно искажаю, поскольку они глубоко отпечатались в моей памяти. Смысл, во всяком случае, был именно такой.

Странный и остроумный в своей простоте способ, с помощью которого отец сумел выяснить скрытые мысли детей, сам тон и характер этих вопросов и ответов показывают, что воспитание, получаемое маленькими Бронте, было весьма своеобразным. Они не были знакомы с другими детьми. Они не знали других способов мышления, кроме того, который черпали из отрывков разговоров о церковных делах, услышанных в гостиной, или обсуждения деревенских новостей в кухне. И тот и другой вид беседы имел свои характерные черты.

Их живо интересовали характеры людей, а также вопросы внутренней и внешней политики, которые обсуждались в газетах. О старшей дочери, Марии, отец рассказывает, что, когда девочке было всего одиннадцать лет, он мог вести с ней разговоры на любые злободневные темы совершенно свободно, как со взрослой, и получать от беседы немалое удовольствие.

Глава 4

Спустя год после смерти миссис Бронте к ним переехала из Пензанса ее старшая сестра, чтобы взять в свои руки хозяйство в доме зятя и позаботиться о детях. Мисс Брэнвелл была милой и добросовестной женщиной, обладавшей сильным характером, но несколько ограниченной во взглядах, как и все, кто провел жизнь на одном и том же месте. Из-за сильных предрассудков она вскоре возненавидела Йоркшир. Это и понятно: женщине за сорок лет было непросто переселиться из Пензанса, где цветы, которые мы на севере называем тепличными, растут повсеместно без какого-либо укрытия даже зимой и где теплый влажный климат позволяет людям во всякое время находиться, если они того пожелают, на свежем воздухе, – переселиться в места, где нет ни цветов, ни овощей и даже скромное деревце надо еще поискать, где блеклый снег подолгу не тает на вересковых пустошах, простираясь до горизонта от дверей того жилища, которое стало теперь ее домом, и где осенними и зимними ночами все четыре ветра, кажется, сцепляются в схватке, едва не разрывая на куски дом, и воют, словно рвущиеся внутрь дикие звери. Ей не хватало здесь обычных в маленьких городках визитов соседей с их добродушными разговорами. Не хватало друзей и давних знакомых, которые дружили еще с ее родителями. Ей не нравились местные обычаи, а больше всего пугал холод, исходящий от каменных плит пола в коридорах и комнатах хауртского пастората. Лестница, по-видимому, тоже была каменной, что неудивительно, поскольку каменные карьеры находились неподалеку, а за деревьями надо было ехать очень далеко. Мне говорили, что из страха простудиться мисс Брэнвелл всегда ходила по дому в деревянных башмаках, и их стук то и дело раздавался на лестнице. Из того же страха в последние годы жизни она проводила почти все время, и даже обедала, в своей спальне. Дети уважали ее и относились к ней с той привязанностью, которая порождается почтением, но едва ли любили. Резкая перемена места и образа жизни была тяжелым испытанием для женщины ее возраста, и, решившись на переезд, она совершила настоящий подвиг.

Едва ли мисс Брэнвелл учила своих племянниц чему-либо, кроме шитья и других домашних занятий, которыми впоследствии так много занималась Шарлотта. Регулярные уроки давал им отец, а кроме того, любознательные дети пользовались любым случаем, чтобы получить какие-нибудь сведения самостоятельно. Однако примерно за год до описываемых событий на севере Англии появилась школа для дочерей духовенства. Она располагалась в Кован-Бридж, деревеньке на большой дороге между Лидсом и Кендалом. Туда было легко добираться из Хаурта, поскольку по дороге ежедневно проезжал дилижанс, делавший остановку в Китли. Годичная плата за обучение для каждой ученицы (если верить правилам приема, изданным в 1842 году, – а я не думаю, что они сильно изменились со времен основания школы в 1823 году) была следующей:

§ 2. Плата за одежду, проживание, пансион и обучение – 14 фунтов в год; половина этой суммы оплачивается заранее, при приезде ученицы. Кроме того, взимается 1 фунт за включение в число учениц, а также за книги и т. п. В курс обучения входят история, география, пользование глобусами, грамматика, письмо и арифметика, все виды рукоделия, а также другие виды домоводства, такие как шитье тонкого белья, глажка и др. По желанию производится дополнительное обучение музыке или рисованию за дополнительную плату 3 фунта в год.

Третий параграф требовал, чтобы родственники или опекуны заявили о желаемом ими виде дополнительного обучения для своей дочери, исходя из планов на ее дальнейшую жизнь.

Четвертый параграф указывал, какую одежду и туалетные принадлежности девочка может привезти с собой, и заключался следующим:

Ученицы должны одеваться одинаково. Они носят простые соломенные шляпки, летом – белые полотняные платья по воскресеньям и нанковые в другие дни; зимой – пурпурные шерстяные платья и того же цвета плащи. Чтобы обеспечить однообразие одежды, они должны внести дополнительно по 3 фунта на платья, пальто, шляпки, накидки и оборки. Таким образом, полная сумма, которую следует внести при зачислении за каждую ученицу, составляет:

- 7 фунтов – предварительная плата;
- 1 фунт – вступительный взнос за книги;
- 1 фунт – вступительный взнос за одежду.

Восьмой параграф гласил: «Все письма и посылки должны проверяться директрисой школы». Впрочем, это обычное правило всех женских школ: считается естественным, что учительница обладает подобным правом, хотя с ее стороны было бы неразумно слишком часто им пользоваться.

Нет ничего примечательного и в других правилах, копию которых мистер Бронте, несомненно, получил в то время, когда решил отправить своих дочерей в школу Кован-Бридж и в июле 1824 года доставил туда Марию и Элизабет.

Теперь я приступаю к самой трудной части своего рассказа, поскольку свидетельства, касающиеся описываемого предмета, разнятся настолько, что добраться до правды не представляется возможным. Мисс Бронте неоднократно говорила мне, что она не взялась бы писать то, что она написала о ловудской школе в романе «Джейн Эйр», если бы знала, что это место немедленно отождествят с Кован-Бридж, – хотя в ее повествовании не было ничего, кроме правды, о том, что она там видела. Она говорила также, что не считала необходимым стремиться в художественном произведении к той объективности, которая требуется в судебном разбирательстве: искать причины происшедшего, учитывать чувства учениц и стараться бесстрастно анализировать поступки тех, кто руководил тогда школой. Полагаю, она была бы рада возможности исправить слишком сильное впечатление, произведенное на читателей нарисованной ею живой картиной, несмотря на то что сама мисс Бронте всю жизнь страдала душой и телом от последствий того, что происходило в школе, и до самого конца сохраняла веру в необходимость говорить правду, и только правду.⁴⁹

В основании этой школы большую роль сыграл священник, живший близ Кёрби-Лондейл, – преподобный Уильям Карус Уилсон⁵⁰. Это был энергичный, целеустремленный и

---

⁴⁹ Многие читатели предыдущего издания этой книги решили, что я почерпнула сведения о пребывании мисс Бронте в Кован-Бридж от нее самой. Должна заметить, она говорила со мной об этом только однажды: это было на второй день после нашего знакомства. Помню, в тот день маленький ребенок не хотел доедать за обедом кусок хлеба, и мисс Бронте, наклонившись к нему, тихо сказала, что была бы рада в его возрасте кусочку хлеба. Когда мы – я не уверена, что именно я, – попросили рассказать подробнее, она отвечала сдержанно и нерешительно, по-видимому боясь, что разговор приведет к обсуждению ее книги. Она рассказала об овсяных лепешках в Кован-Бридж (такие же пекут в Уэстморленде), которые отличались от йоркширских лепешек на дрожжевом тесте, и потому она в детстве их ненавидела. Кто-то из сидевших за столом припомнил подобное детское отвращение, описанное в истории «ужасных вязальщиц из Дента» из «Книги выписок» Саути. Мисс Бронте слегка улыбнулась и добавила, что важны были не эти различия: беда состояла в том, что по вине неопрятной кухарки еду в школе дурно готовили, и потому она и ее сестры испытывали отвращение к пище. Она рассказала, как обрадовалась, когда врач признал мясо негодным и даже выплюнул его. Вот и все подробности, которые я от нее слышала. Мисс Бронте избегала говорить о личностях и даже ни разу не произнесла при мне имя мистера Каруса Уилсона. Я не сомневаюсь, что в целом мои собеседники передавали мне верные сведения, – я имею в виду тех, кто сообщил и даже торжественно повторил пересказанное мною, – но ради справедливости я должна подтвердить, что, кроме только что описанного, ничего не слышала от нее по этому поводу.

⁵⁰ Уилсон Уильям Карус (1791–1859) – кальвинистский священник, прототип преподобного Броклхёрста в романе «Джейн Эйр», создатель школы для дочерей духовенства в Кован-Бридж. После публикации «Жизни Шарлотты Бронте» разгорелась дискуссия о степени его виновности в злоупотреблениях, творившихся в школе.

упорный человек, не жалевший усилий для достижения своих целей и готовый пожертвовать ради этого всем, кроме власти. Он понимал, что духовенству, с его невеликими доходами, создать такую школу было не по силам, и придумал план, согласно которому каждый год по подписке собиралась бы определенная сумма в дополнение к вносимым родителями четырнадцати фунтам в год, что могло обеспечить ученицам серьезное и солидное английское образование. Взносы родителей предполагалось использовать только для оплаты жилья и питания, а все расходы на учебу покрывала подписка. Назначили двенадцать попечителей. Мистер Уилсон был не только одним из них, но также казначеем и секретарем. Впоследствии ему пришлось взять на себя большую часть руководства делами школы, поскольку он жил к ней ближе других ответственных лиц. Таким образом, от его благоразумия и рассудительности в определенной степени зависел успех или неуспех всей деятельности школы в Кован-Бридж, и именно она стала делом его жизни. Однако мистер Уилсон оказался незнаком с главным правилом, определяющим хорошего руководителя: находить компетентных лиц, которым можно поручить отдельные части своего предприятия, и затем возлагать на этих лиц ответственность и судить об их работе только по ее результатам, не пытаясь постоянно и неблагоприятно вникать в детали. Мистер Уилсон своими неустанными попечениями сделал для школы много добра, и я не могу не сожалеть о том, что в то время, когда он уже состарился и начал терять силы, его ошибки (несомненно имевшие место) оказались выставлены на всеобщее обозрение, причем в форме, которой талант мисс Бронте придал необыкновенную выразительность. Перед тем как написать эти строки, я перечитала слова, которые мистер Уилсон произнес, покидая должность секретаря школы в 1850 году. Он говорил о том, что «вынужден по нездоровью оставить попечение о школе, за жизнью которой столько лет следил с искренней заинтересованностью», и что уходит в отставку, вознося благодарность Господу за то добро, которое сумел сотворить для школы, но с прискорбием сознавая всю ненадежность и недостойность себя как инструмента в руках Божьих.

Кован-Бридж – это шесть или семь домов, тесно стоящих по обоим концам моста, построенного на большой дороге из Лидса в Кендал при пересечении ею небольшой речки под названием Лек. В наше время эта дорога уже почти заброшена, но раньше жители промышленных районов Уэст-Райдинга ездили по ней на север – покупать шерсть у фермеров в Уэстморленде или Камберленде. Дорога никогда не пустовала, и деревушка Кован-Бридж, по всей вероятности, имела тогда более цветущий вид, чем нынче. Расположена она в весьма живописном месте, где горные пустоши вдоль течения Лека сменяются долинами и по берегам растут ольхи, ивы и кусты лесного ореха. Реке приходится огибать большие камни, отколовшиеся от серых скал, и дно ее устлано большой округлой белой галькой. Вода перекатывает камешки, прибывая их к берегам так, что кое-где они образуют чуть ли не целые стены. Вдоль берегов мелководного, искрящегося, стремительного Лека расстилаются пастбища с обычной для наших нагорий низкорослой, но густой травой. Кован-Бридж расположен на равнине, но и вам, и Леку придется еще долго спускаться вниз, прежде чем вы достигнете долины Льюна. Посетив эти места прошлым летом, я пришла в некоторое недоумение: как построенная тут школа могла оказаться столь нездоровым местом? Казалось бы, сам здешний воздух – свежий, наполненный ароматом тимьяна – должен быть целебен. Однако в наше время все знают, что дом, предназначенный для проживания многих людей, следует выбирать с большей осторожностью, чем дом для одной семьи: ведь у сообщества живущих рядом склонность к болезням, как заразным, так и иным, гораздо выше.

До наших дней сохранился дом, который некогда составлял часть школьных построек. Это длинное приземистое здание с эркерами, разделенное теперь на две части. Дом обращен фасадом к Леку, и между ним и речкой остается пространство примерно в семьдесят ярдов, которое раньше занимал школьный сад. Перпендикулярно к сохранившемуся школьному зданию раньше стояла фабрика с водяным колесом. Она выходила к реке, и колесо, вращавшее

механизм, было сделано из ольхи, которая в большом количестве произрастает в окрестностях Кован-Бридж. Мистер Уилсон приспособил фабричное помещение для нужд школы: на первом этаже поместились классы, а на втором – спальни. Что касается сохранившегося дома, то в нем жили учителя, а также помещались столовая, кухня и несколько маленьких спален. Я посетила его и выяснила, что то его крыло, которое примыкает к большой дороге, было впоследствии обращено в трактир самого низкого разряда, а затем пришло в полное запустение. Теперь уже трудно представить, как выглядело это помещение в те годы, когда оно содержалось в чистоте, оконные рамы не были выломаны, а потрескавшаяся и потерявшая цвет штукатурка сияла белизной и чистотой. Другое крыло имеет вид старинного жилого дома, с низкими потолками и каменными полами. Окна тут не открываются полностью, а лестницы, ведущие наверх, в спальни, узки и кривы. В доме дурно пахнет, повсюду видны следы сырости. Тридцать лет назад мало кто заботился о санитарном состоянии. Заполучить такой просторный дом рядом с большой дорогой, да к тому же находящийся неподалеку от жилища мистера Уилсона, автора всей школьной затеи, наверняка казалось большим счастьем. Необходимость появления школы была большая, небогатое духовенство единодушно приветствовало идею мистера Уилсона и спешило записать своих дочерей в ученицы готового принять их учреждения. Мистер Уилсон был, несомненно, польщен тем выражением нетерпения, с которым встретили его проект, и решил открыть школу, имея на руках меньше сотни фунтов капитала, притом что число учениц было невелико. По мнению мистера У. У. Каруса Уилсона, сына основателя школы, число учениц составляло семьдесят человек, а мистер Шешард, его зять, полагает, что их было только шестнадцать⁵¹

---

⁵¹ В первом издании на месте этих слов: «...насколько мне известно, составляло от семидесяти до восьмидесяти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.